

ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде!

год издания 65-й

#1592

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Фильм «Катынь»
на российском экране

№ 5
2010

Журнал «Посев». Учредитель: Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долгин, Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, И.Б. Чубайс, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

Т.Н. Пальгунова

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва, ул. Петровка, д. 26, стр. 2, оф. 96. Телефон/факс: (495) 625-92-48.

E-mail: tsurganov@mail.ru; posevru@online.ru http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО Принт сервис групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский пер. 7. Телефон (495) 797-81-24.

Тираж 800 экз. Свободная цена. Подписано в печать 27.04.2010.

Адрес издательства POSSEV GmbH: Flurscheideweg 15, D-65936, Frankfurt a. M., Germany Tel. 34-1265; fax 34-3841. http://www.posev.de E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072.

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 5 (1592) май 2010 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

Колонка редактора 2

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

Лех Качиньский. Непроизнесённая речь... 3

Григорий Амнуэль. Несколько скорбных слов надежды после страшной трагедии... 4

Игорь Чубайс. Как Россия смотрела фильм Вайды... 5

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Евгений Князев.

Год учителя: самое начало... 6

Андрей Окулов. Площадь Лениных 11

65 ЛЕТ ДНЯ ПОБЕДЫ

Александр Конигов.

О двух демаркационных линиях между германскими и советскими войсками на территории Польши (1939) 13

Антон Васильев. Чудо на реке Ханган, или Страна утреннего солидаризма 17

СПОР ОБ ИМПЕРИИ

Георгий Мейер. Поруганное чудо 20

Борис Тарасов. «Недоброй памяти время» 28

Андрей Пуговкин. Горькие уроки «славного прошлого» 32

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Игорь Шауб. «Твой выстрел был подобен Этне...» 36

КНИГИ И ЛЮДИ

Иосиф Косинский. На весах истории 38

Александр Гогун. Документы НКВД о подготовке СССР к войне 44

В параде 9 мая на Красной площади впервые принимают участие иностранные военные: от Франции – лётчики эскадрильи «Нормандия-Неман», от Великобритании – солдаты Уэльского полка, от США – военнослужащие 2-го батальона 18-го пехотного полка, высаживавшегося в Нормандии в 1944 году, рота почётного караула Войска Польского.

В связи с этим разгорелись нешуточные страсти. В частности, в Интернете появился призыв подписать открытое письмо Президенту РФ, содержащее протест против такой формы проведения парада: «Считаем Решение об участии иностранных воинских соединений стран НАТО в параде, посвящённом 65-летию годовщины Победы СССР-России в Великой Отечественной Войне, прямым нарушением Военной доктрины РФ и Федерального закона № 80-ФЗ «Об увековечении Победы Советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945»». При этом организаторы принесли извинения за возможную нецензурную лексику в разделе подписей.

Болевая точка для людей другого склада – размещение в центре Москвы плакатов с изображением Сталина (хоть и в «соответствующих пропорциях»). В Саратове же коммунисты объявили конкурс на лучший проект памятника Сталину. Кроме того, местное отделение КПРФ предложило вернуть Заводскому району Саратова бывшее название – Сталинский район.

Активизировались дискуссии о сущности политической и экономической системы СССР в послевоенные годы и о том, когда будет открыт доступ к архивным материалам России.

7 мая Президент РФ в интервью газете «Известия» в числе прочего сказал: «...События послевоенного периода – это уже иная часть истории, она абсолютно идеологизирована, и понятно, что Советский Союз как государство преследовал свои цели. Советский Союз был очень сложным государством. Если говорить прямо, тот режим, который сложился в СССР, иначе как тоталитарным назвать нельзя. К сожалению, это был режим, при котором подавлялись элементарные права и свободы. И не только применительно к своим людям (часть из которых после войны, будучи победителями, переехала в лагерь). Так было и в других странах соцлагеря тоже...»

Если говорить о государственной оценке, о том, как оценивается Сталин руководством страны в последние годы, с момента возникновения нового Российского государства, то здесь оценка очевидная – Сталин совершил массу преступлений против своего народа...

Ни в коем случае нельзя говорить о том, что сталинизм возвращается в наш повседневный быт, что мы возвращаем символику, что мы собираемся использовать какие-то плакаты, ещё что-то делать. Этого нет и не будет. Это абсолютно исключено. И в этом, если хотите, нынешняя государственная идеология и моя оценка как президента Российской Федерации...

Я не считаю, что то экономическое устройство, которое у нас существовало в период послевоенный, а также та политическая система были приспособлены для нормального развития...

Мы не смогли решить целый ряд задач. И, кстати сказать, с этим в значительной степени связано то, что Советский Союз прекратил свое существование...

Чем больше архивных материалов у нас будет опубликовано, чем больше их попадет в свободный доступ, тем лучше. В конечном счёте, я считаю, мы должны создать такую систему военных архивов, которая даст возможность любому гражданину России и любому заинтересованному иностранному гражданину практически в свободном режиме добраться до любого документа, с которого снят гриф секретности, а сейчас пора уже делать это практически по всем документам...»

Лех Качиньский

Непроизнесённая речь

Президент Польши Лех Качиньский должен был произнести речь 10 апреля 2010 года на польском военном кладбище в Катыни во время траурных мероприятий, приуроченных к 70-й годовщине катынской трагедии. Оригинал публикации: *Najtragiczniejsza stacja polskiej Golgoty*. Перевод ИноСМИ.

Уважаемые представители Катынских семей!
Уважаемые господа!

В апреле 1940 года были убиты более 21 тысячи польских заключенных из лагерей и тюрем НКВД. Этот акт геноцида был совершён по воле Сталина, по приказу высших советских властей.

Чудовищной кульминацией союза Третьего рейха и СССР, пакта Молотова-Риббентропа и нападения на Польшу 17 сентября 1939 года стало катынское преступление. Не только в лесах Катыни, но также в Твери, Харькове, в других известных и ещё неизвестных местах казней были убиты граждане Второй Польской Республики – люди, составлявшие основу нашей государственности, непоколебимые в своей службе отчизне. В то же самое время семьи убитых и тысячи жителей довоенных Кресов были высланы вглубь Советского Союза, их невыразимыми мучениями отмечен там путь польской Голгофы Востока.

Самой трагической остановкой на этом пути явилась Катынь. Польские офицеры, священники, служащие, полицейские, сотрудники пограничной охраны, тюремные работники были уничтожены без процессов и приговоров. Они стали жертвами необъявленной войны. Их убийство было совершено с попранием прав и конвенций цивилизованного

мира. Их достоинство – как солдат, поляков и людей – было растоптано. Рвы смерти должны были навсегда скрыть тела убитых и правду о преступлении. Мир должен был никогда этого не узнать. У семей жертв отняли право на публичный траур, на то, чтобы оплакать и достойно почтить память своих близких. Земля скрыла следы преступления, а ложь должна была стереть его из людской памяти.

Соккрытие правды о Катыни – последствие решения тех, кто привёл к совершению этого преступления – стало частью фундамента политики коммунистов и послевоенной Польши: краеугольной ложью Польской Народной Республики. Это было время, когда за память и правду о Катыни приходилось платить высокую цену. Но близкие убитых и другие смелые люди верно стояли за эту память, охраняли её и передавали следующим поколениям поляков. Они пронесли её через весь период коммунистического правления и доверили своим соотечественникам в свободной, независимой Польше. Поэтому всем им, а особенно Катынским семьям, мы обязаны выразить наше уважение и признательность. От имени Польской Республики я выражаю глубочайшую благодарность за то, что, охраняя память о своих близких, вы сберегли столь важную сферу нашего польского сознания и идентичности.

Катынь стала болезненной раной польской истории и на долгие десятилетия отравила отношения между поляками и русскими. Так сделаем же так, чтобы катынская рана могла наконец окончательно зажить и затянуться. Мы уже на верном пути. Мы, поляки, ценим то, что сделали в последние годы россияне. И этим путем, сблизившим наши народы, мы должны двигаться дальше, не останавливаясь и не отступая назад.

Все обстоятельства катынского преступления должны быть полностью изучены и расследованы. Важно, чтобы на юридическом уровне была зафиксирована невиновность жертв, чтобы были открыты все документы, касающиеся этого преступления, чтобы катынская ложь навсегда исчезла из общественного пространства. Мы требуем этих действий, прежде всего, ради памяти жертв и уважения к страданиям их семей. Но мы требуем их и во имя общих ценностей, которые должны составлять фундамент доверия и партнёрства между соседними народами во всей Европе.

Воздадим же вместе дань памяти убитым и помолимся над их головами. Хвала героям! Хвала их памяти!

Григорий Амнуэль

Несколько скорбных слов надежды после страшной трагедии

10 апреля 2010 года войдёт навсегда чёрной датой в историю Польши. На протяжении нескольких лет «Посев» уделял немало внимания Польше, Катыни, истории взаимоотношений между Россией и Польшей, истории XX века и Второй Мировой войны, которая, пожалуй, оставила свой самый кровавый след именно на территории наших стран. Разумеется, трудно, невозможно молчать, узнав о страшной трагедии, разыгравшейся через 70 лет на Катынской земле.

Катастрофа ТУ-154 с Президентом Польши Лехом Качиньским, его супругой, руководителями Сейма и Сената, министрами, генералами, епископами, общественными деятелями Польши, беспрецедентна в новейшей истории. В одночасье Польша потеряла 96 не просто сынов и дочерей своей родины, но людей, вписавших в её историю яркие страницы. Людей, которые много сделали для процветания свободной, демократической Польши. Борясь, с тоталитаризмом коммунистической системы, они, и прежде всего Лех Качиньский, проходили через забастовочное движение «Солидарность», и тюрьмы режима Ярузельского, через изгнание и вынужденную эмиграцию, но никогда они не переставали верить в светлое будущее своей свободной Польши! Они подхватили и во многом реализовали слова своего великого соотечественника Папы Иоанна-Павла II – Кароля Войтылы: «Неужели эта земля и этот народ заслуживают такой доли?» Мужчины и женщины, составлявшие цвет польского государства, при этом представлявшие не только польскую нацию и не только католическую религию, но и иные конфессии и нации, свободно живущие и составляющие польское общество. Увы, так же, как за 70 лет до этого их предшественники, они трагически погибли на катынской земле, но, как и они, отдали всех себя служению родине.

Лех Качиньский не раз подчёркивал в своих выступлениях, что любит свою родину – Польшу и непримирим к её врагам. Но он же не раз первым протягивал руку примирения. Достаточно вспомнить его выступление 01.09.2009, где он извинился перед Чехией за политику своих предшественников в 1938 году. Он особо подчеркнул: на чужом горе нельзя строить собственное благополучие. Да, он не мог простить диктатуру 1979 года, сломавшую судьбы многих. Именно диктатуру, а не персоналии

того времени. Разумеется, он не мог видеть своё место на одной трибуне рядом с теми, кто, по его мнению, принёс столько горя Польше.

За три дня до этой роковой даты, 7 апреля в Катыни впервые побывал премьер-министр России, где состоялась историческая встреча с премьер-министром Польши. Впервые два высших руководителя двух стран склонили головы в скорби перед памятью невинно убиенных тоталитарной машиной ВЧК-ГПУ-НКВД. Впервые польский и русский премьер совместно заложили памятную плиту в основание будущего православного собора. Впервые противостояние политики и истории уступило место человечности и разуму, естественно вызвав в миллионах россиян и поляков надежду на прекращение фальсификации истории и травли в СМИ.

Возможно, теперь, памятуя, что в польском обществе и раньше Катынь – называли Польской Голгофой, стоит задуматься, чтобы на месте трагедии возвести католический храм в память обо всех убиенных и погибших. Пусть это не будет считаться конфессиональным паразитизмом, а именно дорогой от храма к храму, от человека к человеку, от России к Польше. И пусть заложение и освещение этого храма будет ещё одной хорошей возможностью для встречи и диалога лидеров двух стран.

Объявленный в России, как и в большинстве стран Европы и мира, траур по Леху Качиньскому и сопровождавшим его лицам, поминальные службы в католических и православных соборах, тысячи зажжённых свечей и цветов у стен посольства Польши в Москве и генконсульств в других городах России. Соборезнования Президента, политиков, духовенства, деятелей культуры, науки, молодёжи, простых честных граждан России. Наконец,

беспрецедентный (после практически трёхлетнего содержания на полке) показ по главному государственному каналу России фильма Анджея Вайды «Катынь». Сразу после трагедии и всего через восемь дней после первого телепоказа в России на канале «Культура», и без «обязательного» обсуждения, в котором наряду с историками принимали участие и придворные политики, и общест-

венные деятели, никак не могущие уйти от штампов пропаганды. Всё это даёт шанс надеяться, что мы действительно переворачиваем, а дай Бог и закрываем, грязные страницы прошлого.

И да поможет нам Бог и память о погибших реализовать шанс – в совместной скорби начать писать нашу историю с чистого листа.

Игорь Чубайс

Как Россия смотрела фильм Вайды...

Что и как показал телеканал «Культура». В начале апреля канал «Культура» показал снятый три года назад фильм польского режиссера Анджея Вайды «Катынь». Советское государство лишь в конце Перестройки признало свою ответственность за расстрелы под Смоленском, но после отставки Ельцина это признание было полузабыто и в СМИ регулярно появлялись комментаторы, уверяющие, что убийство польских офицеров – дело рук фашистов.

И вот, наконец, показ на гостелевидении киношедевра о трагедии в Катыни вроде бы вернул всё на свои места и, казалось бы, расставил точки над «i». Но так ли это?

Нечасто телепремьеру дополняет специальный комментарий. На сей раз шесть официальных историков, киношников, журналистов около часа обсуждали увиденное. Смысл сказанного ими и цель обсуждения хорошо понятны. Да, признавали они в прямом эфире, фильм – правдив, преступления были, бессудные расстрелы – дело рук НКВД. При этом констатацию сопровождали многочисленные оговорки, пояснения, реплики, пересказывать которые просто не имеет смысла.

Их цель – признав то, что давно известно всему миру, сделать это так, чтобы ничего в официальной идеологии, в созданной СМИ картине реальности не изменилось и чтобы не начался поиск виновных.

Подобный трюк регулярно используется советской и постсоветской пропагандой. Например, власти СССР полвека категорически отрицали существование секретного приложения к пакту Молотова–Риббентропа. «Это наглая антисоветская ложь, – объясняли тассовцы, – наше миролюбивое государство никогда не стремилось и не могло стремиться к захвату и разделу мира, к подчинению других стран и народов. Наши враги сознательно клеветуют на ленинскую мирную политику, утверждая, будто СССР хотел развязать мировую войну». Всё это повторяли до тех пор, пока сказка про отсутствие секретного Протокола не превратилась в сознании людей в идеологический «зверест». И поэтому, когда существование Протокола при-

шло официально признать, публикация правды о захватнических планах Сталина уже не могла исцелить тысячекратно отравленное сознание общества. Это после хрущёвского вынужденного закрытия ГУЛАга, отправлявший в него литераторов руководитель Союза писателей Фадеев покончил с собой. Сегодня правда о Катыни не вызвала даже легкой ряби на поверхности идеологического болота. Третьяков, Михалков, Косачёв и другие участники телеобсуждения поработали на славу!

Но почему же «неудобный» фильм показали? И почему показали именно сейчас? Да с этим все понятно. Возникла необходимость отметить 70-летие трагических событий. К месту захоронения ждали польских гостей, лучше, если это будут люди высшего ранга. На их вопросы будет что ответить. Псевдотелепокаяние позволяло рассчитывать, что иностранные лидеры ответят взаимностью, к юбилею победы зарубежные делегации дружно потянутся в нашу столицу. И на фоне постсоветского пейзажа, состоящего из демографической катастрофы и спаивания населения, сырьевой экономики, деградирующего образования и культуры, миллионов бомжей, цензурируемых СМИ, на фоне гиперкоррупции, аварий и терактов миру предложат воспеть самые основы этой системы, преклонив головы перед великой победой советского народа. При этом сугубо во внутренних каналах информации вновь превознесут имя главкома.

О чём забыли упомянуть комментаторы? Вопрос первый. Что же действительно следовало сказать, комментируя премьеру «Культуры»? Дело не просто в том, что это самый немассовый канал, его смотрит 3% телезрителей. И не в том, что о показе было известно минимум за пять дней до публикации недельной телепрограммы, однако «Катынь» в эту программу не попала, значит, и без того ограниченная аудитория была дополнительно сужена. Возникает риторический, но более принципиальный вопрос: государство должно изредка допускать небольшую часть граждан к значимой информации? Или первейшая задача властей сделать важнейшей составляющей всего общенационального сознания страны ключевые события отечественной истории? Именно эта, вторая, задача не выполнена. Скажу больше. Спустя всего два дня после показа,

на одном из гостелеканалов вновь задавался давно решенный вопрос: всё-таки кто это натворил – нацисты или НКВД? И эта дискуссия, увы, продолжается по сей день. Вопрос для российских пропагандистов остался нерешённым!

Ещё один вопрос. Будучи последовательным, нельзя не выяснить: кто персонально и лично отвечает за 70 лет лжи, и особенно за последние 10? Понесут ли ответственность, будут ли хотя бы освобождены от работы все эти Шевченки, Толстые и прочие комментаторы и их начальники, заверявшие аудиторию, что к трагедии в Катыни советская власть не имеет никакого отношения?

Одна из ключевых идей картины Вайды – убийственна не только Катынь, но и ложь о Катыни.

Наконец, третий вопрос. Если 21 857 человек были невинно и незаконно расстреляны, где же уголовное дело, где суд и приговор? После показа фильма по государственному телеканалу – вы не поверите – ни почётный москвич, ветеран Долгих, ни депутат Абельцев, ни внук вождя Джугашвили, ни прокуратура Центрального округа Москвы не обвинили Сталина в экстремизме. В легитимном, правовом государстве после этого происходит юридическое расследование и суд. А в «суверенно-демократическом» государстве вывешивают билборды?!

Для того, чтобы пусть малая часть россиян, но, всё же увидела картину Вайды, Польше пришлось выйти из соцлагеря и Варшавского договора, вступить в НАТО и Евросоюз... Если мы не проведём суд над сталинщиной, Украине, в конце концов, придётся повторить польский маршрут, ибо геноцид Голодомора, признанный десятками государств, в России у официальных комментаторов вызывает только истерику и выкрики: «Ложь!», «Провокация!». Между тем ещё важнее для нас, хотя в действительности эти вопросы тесно взаимо-

связаны, разобраться юридически и окончательно не только в Катыни – а советских граждан там захоронено больше, чем польских (!), в Голодоморе, но и во всех преступлениях советского режима против нас самих. Надо предъявить народный счёт непогребённой сталинской системе.

Сделать это сегодня очень непросто. Катынь – не столько уничтожение офицерского корпуса захваченной страны, это уничтожение её интеллектуалов, людей мысли. Но в ещё больших масштабах Сталин уничтожал российскую интеллигенцию. Одновременно он формировал такую интеллигенцию, которая была необходима ему. Её наследники составляют сегодня большую часть телекомментаторов и иных «говорящих голов», которые не задают «неправильные» вопросы и не делают «неправильные» выводы.

Особенно резонансный для нас в фильме Вайды образ русского капитана Попова. Его прообразом стали реальные истории двух советских офицеров. Попов отчетливо сознаёт трагизм разворачивающейся вокруг него тоталитарной вакханалии. Понимая всю опасность своего положения, он пытается спасти жену, а на самом деле – вдову уже расстрелянного НКВДешниками польского офицера. Попов знает, что обречён, но пытается спасти другого...

Польша уже двадцать лет свободна! Но сможем ли мы наконец спасти самих себя?

...Спустя несколько дней после показа картины, произошла страшная трагедия – на пути в Катынь разбился самолёт с польской делегацией. На это надо было как-то реагировать, и тогда, уже по каналу «Россия», опять показали фильм Вайды. Вы думаете, все изменилось? А я вспомнил январский день, когда неожиданно выглянуло солнце и уличный градусник показал аж +2 градуса. А потом опять ударили морозы...

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Евгений Князев

Год учителя: самое начало

*Весомы и сильны среда и случай,
Но главное – таинственные гены,
И как образованием ни мучай,
От бочек не родятся Диогены.*

И.М. Губерман

Канул в Лету «молодежный» 2009-й, 2010-й объявлен годом учителя, и, судя по ряду народных примет, в «контексте модернизации системы подготовки специалистов» грядет очередная реконструкция системы образования. Вообще-то, все устали от «указивок» и «реформ» и хотелось бы «реставрации» – «в былом источник вдохновенья!». Однако такой сценарий уже вряд ли будет воплощен, там

говорят: не назад в собственное прошлое, но вперед, к чужому, или чуждому, будущему. И, вместо того, чтобы творчески использовать лучшие традиции отечественного образования, генетическую связь с которым так важно не утерять в процессе реформ, продолжится безудержное заимствование зарубежных образцов из их магазинов «second hand». Нам продолжат усиленно завозить только заморские ле-

жалые вещи, пропахшие пылью и плесенью, эти «новинки» и «премьеры» образца ранних 1950-х. Таково гиперболизированное тестирование якобы «для создания объективности и беспристрастности в учебном процессе».

«Эмоциональная тупость»

Год «великого перелома» в сфере обучения начался с поджога педагогического рейхстага: напоминающий реалити-шоу сериал «Школа» поделил дремлющую зрительскую аудиторию, поначалу вяло спорили: все ли школы криминогенные или всё-таки имеются другие. Раскруткой этого зрелища занялись эффективные промоутеры... чиновники от образования, заявившие, что следует запретить это зрелище, оно не похоже на «Первоклассницу», «Трубачева» и другие милые сердцам миллионов творения советской «фабрики грез» «важнейшего из всех искусств». Когда в «социокультурном» осмыслении романа «Лолита» (1955) гениального Набокова возникла «тема нимфеток» (сам Владимир Владимирович о таком отзыве явно не подумал), по эту сторону железного занавеса никаких подобных произведений не создавали. Р.И. Фраерман написал «Дикую собаку Динго или Повесть о первой любви» (1962). И никому, – кроме меня, – в голову не пришло проводить сопоставительный анализ содержания этих произведений. И я не собираюсь его проводить, заведомо понимая, что сие просто невозможно.

За год до того как Стенли Кубрик снял «Лолиту» (1962), вышел фильм Юлия Райзмана «А если это любовь?». Его встретили в штывы кинокритики, а зрители явно прониклись симпатией к юноше и девочке, которым мешали все: и родители, и учителя, и старые нравы. Ныне все эти ленты вызывают только незлобивое недоумение: «нам бы ваши заботы, господин учитель...».

Еще для сравнения. Когда в 1971 году Стенли Кубрик снял «A Clockwork Orange» по роману Энтони Бёрджесса, в «стране победившего всех и вся» пользовался успехом сериал Алексея Коренева «Большая перемена» (1972). Пропаганда тогда внушала, что это только загнивающий империалистический Запад столкнулся с такими проблемами, а у нас в развитом социализме такого якобы нет. В «Чучеле», снятом Роланом Быковым, прозвучала чистая правда о жуткой бездуховности подростков «страны развитого брежневизма». Кое-какие мысли даже тогда звучали, пусть не по Зигмунду Фрейду, но уже вопреки комитету молодежных организаций при ЦК ВЛКСМ.

Не стоит отмахиваться от фильма молодой Валерии Гай Германики «Все умрут, а я останусь», потому что там «нет никакого искусства», ибо показана явная деградация поколения «детей шлакоблочных» предместий, где «зов плоти» заменил и Бога, и бесов, и светлое будущее всего человечества, и вообще само человечество. И без консилиума ясно – нимфеточный нигилизм в форме «пофигизма», полное безразличие ко всему живому, кроме sex appeal. Тут впрямую

вспомнить клинический диагноз «эмоциональная тупость». Даже не обращаясь к высшим силам, о существовании которых героиня и не догадывается, она колдует, сжигает чучело соперницы, использует приворотную и отворотную магию, творит «заговор»: «пусть, пусть у меня будет парень». Ни психоанализ, ни дарвинизм в данном клиническом случае ничего не объяснит, здесь уже нужен экзорцист!

Давайте все вместе, как в застойные времена, закроем глаза и бодро произнесем нечто похожее: вся эта «Школа» – «злонамеренная клевета на общественный и государственный строй, позорящая» учебно-воспитательный процесс... Мы же не знаем, как ушлые семиклассники становятся наркодиллерами и сажают на «дурь» целые параллели классов своей и соседних очень средних школ. Мы же не догадываемся о влиянии на детей бездушной, формальной, фальшивой антипедагогической школьной среды, постоянно порождающей брутальное насилие – школьную дедовщину, превосходно «готовящей» «терпил» к армии или к тюрьме. Мы же не собираемся утверждать, что детей «прессуют» во всех формах физического воздействия – тут не имеющий никакого права физрук или трудовик бьет шестиклассников в отдельно взятой школе, и все молчат, потому что не докажешь. Мы не произнесем банального осуждения повсеместного психологического давления, о чем и говорить противно, как учителя вымещают на детях свои комплексы. Мы же никак не можем поверить, что наша обычная, криминализованная школа, по сути, дрессирует лишь умение выживать в железобетонных джунглях неосвещенных предместий современных городов, где после заката из квартиры – ни-ни. Мы вообще ничего не жеем слышать о реальном состоянии дел – ибо «такая картина маслом» только удручает. Но не из камней, а из людей строятся школы и университеты!

Конспирологическая версия напрашивается: этот сериал запущен по главному каналу с целью спровоцировать дремлющую общественность большой страны. Тут она посмотрит, разом встрепенется, очнется от проспавшего нулевого десятилетия, скажет: «Доколе?». А затем «навстречу пожеланиям трудящихся», власти легко и непринужденно произведут нелицеприятную «чистку педагогических рядов», разгонят «поганой метлой» всю эту коррупциогенную сферу псевдовоспитания. Сотворив из тестирования единственного кумира, и поставят на чистом месте сияющие электронными огнями мониторов честные компьютеры, которые и взяток не берут, и про лирику Тютчева ничего не скажут. Нас ждет знакомая ситуация, хронический кризис образования: в ставшую вовсе не безопасной школу боятся идти не только дети, но и сами учителя.

Третья древнейшая

Привычное состояние абсурда «имманентно приуще» самой системе обучения, такова роль и средней, и высшей школы – быть вечным отражением

05/2010

будущего культуры через ее прошлое, что и порождает неизбежный конфликт первого со вторым. Булат Окуджава иронизировал: «Антон Павлович Чехов однажды заметил, что умный любит учиться, а дурак – учить». А между тем «великие», став «историческими личностями» вспоминали, кто был их учителем, кто способствовал формированию из них лидера, вождя? Вспомним, какого властителя некогда выучил Аристотель? А кого – Сенека? Стоит поинтересоваться, кто в те времена был в Древнем мире античным министром образования? Какой тогда был «государственный образовательный стандарт по философии», как осуществлялся контроль знаний и умений учащихся? Нет сведений? Не доработали топ-менеджеры в Лациуме... А мы сумеем воспитать лидеров? Скольких недосчитаемся, потеряем по дороге в страну невыученных уроков?

Известно, представители т.н. «древнейших» профессий брезгливостью не отличаются, для них деньги никогда не пахли, лишь бы регулярно нетерпеливые заказчики «отстегивали». *Первая* – самая презренная, и сие обстоятельство, традиционно компенсировалось высокой оплатой «умений и навыков» ее проворных жриц. Скандальные сенсации, «слив информации», пусть со скверным душком, особо ценятся во *второй древнейшей*, но об этом – ни слова. С *третьей древнейшей*, – профессией учителя, – все обстоит с точностью наоборот: ни почета, ни денег, и все всегда недовольны. Достаток учителя по определению исключен. Редко удается сводить концы с концами, да и то, если у педагога нет семьи и все, что он зарабатывает, тратит только на себя. Все века волонтеров третьей древнейшей неизменно сопровождало социальное унижение пополам с безденежьем, да еще густо приправленное болезнями верхних дыхательных путей, а, со временем, и неперемнной неврастенией.

Во власти педагогов решительно не переваривают, возможно, оттого, что там, в большинстве своем, обосновались бывшие «ученики с галерки», получившие «удовл.», т.е. «посредственно». Впрочем, сие досадное обстоятельство вовсе не вредит, но буквально помогает делать карьеру: будь проще – и электорат потянется к тебе! Отдельный президент-отличник составляет редкое исключение, которое только дополняет общее свойство людей власти. Иногда возникает параноидная мысль: они стремятся отомстить своим «марьявановнам» за итоговое сочинение в третьей четверти или контурные карты Месопотамии.

Века назад в высших сферах возникла тривиальная дихотомия с заранее известным предпочтением: школа или контора? Приоритет «присутственного места» всем понятен и неоспорим. Кто бы спорил? Пусть лучше будут два ведомства и еще министерство, чем одна школа или детсад. Злободневные расходы на нужды бюрократии преобладают над «пустыми тратами» на тщедушных школяров за партой и их вечно простуженных умников-учителей у доски с указкой. Ни в свирепых

деспотиях, ни в просторных империях, ни в исполненных гражданского долга республиках, «начальство» педагогов ни в грош ни ставило, держало на голодном пайке: лишь бы не померли. Вероятно, тому виной невысокий социальный статус нашей профессиональной группы, уходящий своими корнями даже в шумеро-вавилонские, не будем скрывать, каторжные условия школьного труда. В греческом мире педагогом звали раба, которому хозяева приказывали водить детей в школу, а учитель в Элладе – «дидаскл», о чем все сейчас все забыли. Впрочем, углекопы весьма успешно повысили свой несвободный статус до шахтерского в XX веке, чтобы уронить в XXI. Вольную-то педагоги некогда получили, однако, денег на их «оклад жалования» прибавили маловато, – если не считать отдельно стоящего столичного мегаполиса, где учителя иностранного языка получают просто на зависть как много. А у всех иных галолирующая инфляция все поглотила, «...чем светлей рассвет свободы, тем глуше сумерки ее», – как писал Игорь Миронович.

Наша учительская «варна» (каста – *Е.К.*) пока еще не сравнялась с положением «париев»-гастарбайтеров, но без всякого официального объявления власти ее уже перевели в статус «шудр», настойчиво твердя об «образовательных услугах», которые мы якобы должны оказывать нашим рассеянными «клиентам». Идеал – как в прачечной? Салфетку наперевес и с улыбкой: «Чего изволите?» Во все времена и во всех странах почетно иметь статус «настоящего мужчины» – «кшатрия» (воина), доходно быть «вайшьей» (его жизнь удалась!), весьма солидно – жрецом-«брахманом». И лишь одно повторяют все представители «достойных» профессий: «Не дороги – иди в педагоги!»: если не умеешь воевать, торговать (в том числе, торговать собой), заклинать – иди учить подрастающее поколение в поистине странных местах, именуемых средней или высшей школами. И все будут потешаться – эк тебя угораздило!

Юдоль скорбей

Руководителей, методистов и менеджеров в избытке, эта осевшая в завоеванных пространствах орда растет числом и неустанно «окормляет»: пишет указания, творит документы, сочиняет требования, инструктирует нас, малых неразумных людишек, руководит и направляет наши действия. «Внизу власть тьмы, вверху – тьма власти».

И всякий, пусть он и сам без образования, в педагогике считает себя знатоком и запросто научит преподавателя «родину любить». Действительно дает советы, доводит до ума, чтобы стал достойным высокого звания «доверенного лица общества», – так 30 лет назад мрачно съязвил один генсек по поводу учителя.

Вспомним, сколько раз школьной системе навязывали: «бригадный метод», «школу-коммуну», «завод-втуз», «программированное обучение», закон о связи школы с жизнью и усиление роли трудового воспитания, – каждое десятилетие «за Ма-

маем все тот же Мамай». Вновь они требуют «выход» в Орду, чтоб не забывали люди посадские, кому обязаны своим счастьем почву топтать. Ныне самое важное стремглав бодро отчитаться покупкой и установкой жидкокристаллических мониторов, связью с Интернет и другими достижениями технократии, чтобы уверенно показать, каких высот достигло «современное образование в период модернизации». Ну, и зачем здесь вечно недовольный собой и другими этот учитель?

И никак завоеватели не желают прерывать свои камлания, а только все возрастает их бурная деятельность по заклинанию под глухой перестук бубна раньше народного просвещения, теперь – системы образования. То и дело выпрыгивают, выпадают бодрые специалисты по задаче «ЦРУ» (ценных руководящих указаний). «Фельдфебеля в Вольтеры» – всегда просто отыскать, легче, чем несколько сотен хороших учителей спасти от бедности и безысходности.

Прошлый век весь целиком ухнул в нашей стране на заучивание и исполнение хором фразы бывшего экстерна: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит, и не может стоять в буржуазном обществе». Не слишком-то сумели поднять престиж профессии, чуть было не перекрестив учителя в «шкраба» (школьный работник? или все-таки раб? – *Е.К.*). Слова остались, но положение дел не улучшилось, в ряде позиций стало хуже, чем тогда. В современных условиях, вместо идеологического ига, настало не менее опасное – бюрократическое.

Обеспокоенное общество, – родители учащихся, – старается относиться к преподавателям с мнимым пониманием и даже с банальным состраданием, выраженным повсеместно дословно совпадающей формулировкой: «И как Вы с ними справляетесь? Тут с одним-то все нервы вымотал...», а у Вас, – их тридцать!» Куда там! В целом ряде учебных заведений, студентов всех факультетов уверенно сажают в одну поточную аудиторию, и, делай, что хочешь, с этим контингентом. Ощущение, будто ты коммивояжер в Узуновской электричке, и предлагаешь томящимся пассажирам вовсе им ненужный товар. А они на тебя смотрят, а ты – на них...

Некоторые бывшие коллеги и не пожелали за гроши горбатить «на ниве», «сеять разумное, доброе, вечное», в ожидании «спасибо», пусть даже «сердечного». В общем в период Второй оттепели (Перестройки – *Е.К.*), в соревновании по «прыжкам в сторону» учителя оказались в первой тройке лидеров вместе с инженерами и научными сотрудниками. Тогда говорили: «Куй железо, пока Горбачёв!» Показательно, что одним из симптомов кризиса прежнего режима стал массовый забег от безденежья молодых педагогов и ученых в торгаши и маклеры. «Ученым можешь ты не быть, но ГТО ты сдать обязан!» – так говорили в те времена. Бежали, очень многие, считая, что в школе – нет жизни. Некоторые притворно жалели, что бросили работу, к которой все-таки лежала душа. В период недолгого демократического

взлета начала 1990-х выяснилось, что возможно уйти от казенщины в негосударственную школу, в частную гимназию, лицей, университет, где якобы можно решить сакраментальные проблемы: чему учить и как? Но не решились проблемы, ибо не переменял Бог Орду. Вновь начались набег.

Вышедшие из легкого анабиоза чиновники, взяв на вооружение рэкетирские методы «чисто конкретных» братков, вновь обложили обучение красными флажками на егерском шнуре: стандартами, информационными письмами, инструкциями. Сверх того появилась закованная в броню тяжелая кавалерия, в образе «современной формы проверки знаний», «исключающей субъективизм и коррупцию» – тестирование. В результате, обучение после такого наскока сводится к подготовке «специалиста по... разгадыванию сканвордов». Из образования начальство вновь выбрасывает всякий «гуманитарный хлам» (русскую словесность, историю), – «все равно же никто ничего не читает». А ведь все это «факультеты ненужных вещей», на которых некогда и стояла наша страна. Гладко было на бумаге... но с тотальным тестированием вовсе не так радужно получилось, ибо абсурд сводить историю к дешевой хронологии. Но об этом – ни слова, – молчать, – тут стадо «священных коров» Индры, зона вне критики.

Так и не став свободным для экспериментов и новаторства, – негосударственное образование от этого «повышенного внимания» контролеров сохнет и, тысячу извинений, дохнет, превращаясь в подведомственное подразделение прямого бюрократического произвола, где ни охнуть, ни вздохнуть! Такой навел порядок – хоть покати шаром! И реанимировано забытое: «учет и контроль!», как при военном коммунизме говаривал вождь. Под руководством бюрократии и их компаньонов из коммерческой системы обучения, образовательные учреждения стали частью теневой деятельности: миллионы в виде взятки передаются из рук в руки, а столоничальникам – львиная доля. Неужели сие и составляет сущность преобразований – перенаправить русла Северных рек денежных потоков в карманы бюрократии от образования: «и текли, куда надо, каналы, и в конце, куда надо – впадали?»

Ламентации

Нынешнее нововведение, как повелось, преследует гигантскую цель – поднять образовательный уровень, чтобы знания выпускника школы, получили «объективную оценку», для чего вводится система единого государственного контроля. Создают «независимые экспертные группы», а учителей средней школы, в которой обучались школьники, от государственной проверки знаний отстраняют. Но сие означает обезличивание системы, сродни новому «огораживанию», когда «овцы съели людей», а теперь – «тесты» сгрызли педагогов! Учитель, которые за смешную плату соглашались работать в школе, теперь должны будут убираться с по-

ля вон, а останутся плоские «компы» и лазерные мониторы. На сей раз это не двоечник с последней парты задулил в учителя жеваным бумажным шариком из трубочки, но государственные мужи сверху изволили выпустить очередь...

Построенная на брезгливом недоверии к основному работнику система не проживет, мутирует, деградирует. Не легче ли, вместо того, чтобы выбрасывать сотни миллионов денег налогоплательщиков на очередное бюрократическое очковитательство, проводимое вместо реального реформирования, задаться целью спросить у самих преподавателей о необходимых и безотлагательных действиях по спасению системы от формализма и начетничества? Нет, это сложно, и потому, никто «препода» как не спрашивал, так и не спрашивает.

Окончательно зашли в тупик, никак не могут решить, как следует поступить со школой, а может – ну ее совсем? Но ведь может получиться как в детском стихе: «Долго потом удивлялись в РОНО: школа стоит – а внутри никого!!!» Есть учитель – есть проблемы, ну а нет учителя, нет проблем?.. В собственно образовательных проблемах многочисленное сословие государевых людей не может, да и не станет разбираться с этим жалкой прослойкой. Зачем? Они уже все решили и с твердой поступью реализуют и бодро рапортуют о достижениях в СМИ.

В последнее время на систему образования навалился социально-экономический кризис такой силы, что поставил под сомнение дальнейшее существование не только случайно уцелевших квалифицированных профессионалов, но и всей нашей ремесленной группы – преподавателей. В школах уже неуместно произносить: «не боги горшки обжигают». «Именно боги!». Неужели не приходит в голову, что учительство может легко испариться, как исчезли некогда (историк уточнит – после Батыева нашествия) «злато-кузнецы» и другие десятки видов мастеров своего дела. Их угнали в Орду, и там следы их затерялись. Сейчас осталось определить, а нужны ли мы им? Или, еще сложнее, как у Стругацких: «Нужны ли мы нам?»

Примечательно, что ни у кого, кроме нашего брата, нет стремления преподавать. Да кто же такое выдержит? Есть один критерий истинности заявлений того или иного управляющего от образования: привести бы такого смельчака в нынешнюю аудиторию и предложить провести не один урок в «день Знаний», а одну четверть дать поработать по собственным инструктивным письмам и циркулярам, рожденным в период очередного административного восторга.

Читатель спросит: может быть, виноват не чиновник, а нелиберализм реформаторов? Кстати, большинство т.н. «реформаторов» рекрутировалось из высшей партийно-советской номенклатуры, читай: чиновничества, 15 лет назад модно было заявлять о новациях, и все они говорили об этом, так партия приказала... Реформы 1990-х захлебнулись как раз по вине вежливых, одетых с иголки рэкетиров, вооруженных не нунчаками и ТТ, а двухтум-

бовым столом с цветным принтером персонального компьютера. Не утюгом они пытаются своих жертв, а белесыми сборниками свежих, – их раз в год обязательно заново пересочиняют, – постановлений и указаний от том, как и чему следует учить подрастающее поколение.

Клеттократия

«Великой хартией вольности» в системе образования испокон веку была взятка. Если до Закона об образовании (1992) было ничего нельзя, даже то, что можно, то нынче – все можно, даже то, что нельзя. Лишь бы заплатили! После изобретения колеса в истории человечества возникло непыльное ремесло столоначальника. В этом процессе важна не голова, а «волосатая рука», которая прочно сажает «своего» в грунт кожаного кресла.

Популяция бюрократов не слишком талантливо имитирует испуг перед несмазанной ловушкой для пасюков, в которую непримиримые борцы с коррупцией дальновидно «позабыли» поместить приманку в виде свободно конвертируемой валюты. На своих рабочих местах «оборотни в костюмах» некоторое время охотно поджимают лапки от «шокирующих кампаний», но перьевой ручкой смело заполняют анкеты туристических фирм в Альпы и Пиренеи, на Мальдивы и Канары. В рабочее время, для порядка привычно делают «тремор», будто бы они испугались нестрашных обличений в прессе, исходивших от правдоискателей в помятых пиджаках. Произвол столоначальников шумно и даже, резко обсуждается в газетах, журналах, и на телевидении в дискуссионных клубах, а потом, эпидемические «ток-шоу» сметают все это «не развлекательное» с экранов. Тем временем, статистическая численность столоначальников солидно выросла, притом, что население страны уменьшилось, отчего можно сделать неутешительный вывод о скрытых причинах (кто для кого?) данных социально-экономических процессов.

Чиновничество научилось громко хрумкать вкусной пищей, отравленной ядом интеллигентского негодования, они и сами уцелели и, посмеиваясь, продолжили выживать, вытеснять, выдавливать все живое из подведомственных им отраслей. В стране, где при Столыпине было 100 миллионов мужиков, исчезло крестьянство, неизвестно куда пропал «класс гегемон», интеллигенции без матерщины днем с огнем не сыскать, а этих никто не жнет, не сеет, а они все прибывают, множатся, растет парк их иномарок, купленных на «трудовые сбережения».

Вести с мест

В эпоху повального увлечения сбором металлолома и макулатуры учительницы строгим голосом призывали озеленить школу и приносить горшочки с хлорофитумами, восковыми плющами, – всем, что школьники называли «фикусами». Лишенные прежней шефской помощи, некоторые, отдельные, отнюдь не типичные, весьма единичные, директора,

кое-где, у нас порой, все еще попадающихся школ нынче разводят руками и тихонько доводят до сведения родительской общественности: не принесете денег – будут проблемы в учебе вашего отпрыска. Что тут подделаешь, такая появилась традиция внести в «фонд» престижной школы сколько-то «у.е.», после чего чадо сможет учиться в течение нескольких лет, а после десяти подобных взносов – позволят закончить «хорошистом». Фальшь и нереальность таким способом полученных аттестатов, условность такого образования не смущает ни ту, ни другую договаривающиеся стороны. Все равно, на работу надо будет согласно телефонному праву, по блату устраиваться, и не все ли равно, что у него в аттестате по физике? Причем тут Второй закон термодинамики?

А чего только не рассказывают родители друг другу: в одной специальной, с преподаванием ряда предметов на иностранных языках, гимназии администрация оказалась не в состоянии обеспечить школьные туалеты сантехникой. Здесь входным билетом в школу стал, простите за прозаичность, унитаз, и... еще раковины, а как будет обстоять с выходным билетом – аттестатом? По всей видимости, им будет – «Джакузи» розовых тонов и размещать ее придется прямо-таки в коттедже у директора?

Родительские собрания – стали видом «полюды», сбора дани с подвластных племен. Тут недалеко до восстания древлян, разорвавших конунга Ингварда меж берез, если верить рассказу Льва Диакона. Родители возмущаются, ведь ребенок поступал в муниципальное, т.е. «бесплатное образовательное учреждение». Современная мудрость такова:

не хватит никаких денег, чтобы дети обучались «бесплатно» в нынешних школах.

Итак, парту – купить, директору заплатить, сантехнику – поставить, оплатить «попечительские нужды». Ну, а почему бы не начать напрямую, – из рук в руки, – платить педагогу зарплату? О, нет! Это разрушение государственной «системы», это – вакханалия, анархия, оргия вседозволенности! Так ведь недалеко и до... отказа от самого дорогого, что у нас есть – Госстандарта по образованию.

Учитель – самая древняя и самая творческая профессия, только «ваять» здесь приходится не в камне... Что бы ни говорили циники и иные преуспевающие бизнесмены, – это самая престижная профессия, потому что ученики обожают лучших из своих учителей, что в 700 раз важнее, чем презрительные реплики властей, недоверие чиновничества и возмущение представителей иных профессий нашей «третьей древнейшей».

Эпоха бурного воспроизводства чиновничества привела к заметному сокращению количества детей в нашей стране. Вскоре всем первоклассникам хватит и школьных парт, и мебели в классах будет больше, чем детей. Обманутый магистратом обидчивый крысолов бросил борьбу с грызунами и постепенно уводит детей не из средневекового Гамельна, а из наших школ. Задача – вывести из социального тупика педагога, как, впрочем, и врача, и инженера, и психолога, дать им занять свои места в обществе. Кто это в состоянии сделать? Само общество, если пожелает видеть собственных детей здоровыми и образованными. А пока вспомним мудрость: «когда караван поворачивает – хромой верблюд всегда первый!»

2010-03-14 от Р.Х. © Князев

Андрей Окулов

Площадь Лениных

Злоумышленники разворотили ночью памятник Ленину в Петербурге. Тот, что у Финляндского вокзала. С помощью тротиловой шашки сделали вождю мирового пролетариата огромную дыру на причинном месте. Пресса окрестила неизвестных «вандалами», памятник отправили в починку. Восемь миллионов рублей выделили. «Монументальный шедевр» был спасен.

Появилось еще и мнение, что это – «покушение на произведение искусства»!

Сколько памятников Ленину и другим коммунистическим вождям стоит в России? В каждом городе – точно. А также во дворах заводов, школ и психбольниц. Двадцать лет, как бесславно подохла коммунистическая идеология. Сегодня уже трудно увлечь нормального человека лозунгами построения коммунистического общества во всем мире или в отдельно взятой за горло стране.

Но в 1991 году огромный класс коммунистической номенклатуры никуда от власти не ушел.

05/2010

Он просто обменял идеологию на деньги и власть.

Как коротко объяснил автору один сотрудник московской фирмы: «Я начинал как комсомольский активист. А потом врос в рынок». Ничего плохого в том, что бывший комсомолец «врос в рынок», нет. Но повадки и мораль у них остались прежними. Много интереснее ответ на вопрос, откуда и почему они пришли в губернаторы и оказались на прочих руководящих постах. «Так получилось». Или их кто-то туда поставил?

Гипертрофированная коррупция на всех уровнях. Красные звезды на танках и самолетах. Звучит переделанный Михалковым советский гимн: он его писал для Сталина, переделывал для Брежнева, а напоследок слепил новый – под Путина. Мелодия-то одна и та же. И памятники Ленину в каждом городе. Мумия самого вождя продолжает лежать в мавзолее посреди столицы.

«Это все наше наследие... Нельзя обижать стариков... Памятники уничтожать кощунственно...» И так далее. Вывеску на ресторане «Антисоветская» сняли, якобы, по требованию ветеранов. Мэр Лужков пообещал вывесить в столице плакаты со Сталиным, и обосновал это именно уважением к ветеранам: они ходили в атаку с криком «За Родину, за Сталина!» Многие ветераны, ходившие в атаку, никак не могли припомнить, чтобы кто-нибудь из них кричал это. Кричали совсем другое, и очень часто непечатное. Дед автора статьи был во время войны диспетчером на аэродроме в блокадном Ленинграде. Из висевших репродукторов неслись все крики, с которыми пилоты вступали в воздушные бои. Передавать их в открытый эфир не стоило.

Про Сталина дед ничего не припоминал: наверное, боялся вспомнить, что могли сказать про уса- того диктатора сражающиеся летчики. Власти очень хотелось, чтобы бойцы в минуту боя кричали то, что нужно власти. Но стоит ли в двадцать первом веке повторять дежурную ложь?!

Конечно, многие из тех, что эту ложь защищают, просто не ведают, что творят. Или знать не хотят: не выгодно. Но сегодня, когда цензура в стране ТЕХНИЧЕСКИ невозможна, скрыть правду становится маловероятным. И беда не в том, что кто-то чего-то не знает. Беда в том, что этот кто-то правды знать не хочет. И утверждает, что насаждать свое невежество другим – его право.

Раньше в советское время лишь власть портила людей, а теперь к власти приходят уже готовые кадры.

Это всего лишь анекдот нашего времени, но в народ такая шутка спроста не пойдет.

А на требования убрать следы большевистского маразма, ответ один: «Нельзя обижать ветеранов!» Ветераны же, как и все граждане нашей страны –

люди разные. И те, кто в атаку под пулеметным огнем ходил, и те, кто их сзади подгонял в составе заградотрядов. Последние могли и Сталина вспоминать. Особенно, когда отчитывались перед политруком.

Подобные призывы могут довести и до оправдания всех преступлений большевизма.

Попытки номенклатурного реванша продолжают все двадцать лет со дня кончины большевизма. Партии теперь у нас разные. Правящая партия очень любит Путина, оппозиция просто его любит. Когда в думе была последняя ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ дискуссия? Они им ни к чему.

Несколько лет назад мэр Москвы заявил с высокой трибуны, прославляя город, которым он управляет: «Москва никогда не сдавалась врагу!»

После этого люди, хоть немного знающие историю, начали вспоминать: когда Москву брали татары, когда поляки, когда французы...

Стоит ли удивляться, что человек такого культурного уровня славословит Сталина, а старинные особняки города замещает бетонными коробками. Да еще украшает столицу «шедеврами» работы Церетели.

Юридического определения большевистскому перевороту 1917 года не дано до сих пор.

В топонимике российских городов до сих пор существуют названия: «коммунистический», «комсомольский», «ленинский» и так далее.

Красная звезда по сей день является символом армии.

В первые годы советской власти ее часто изображали на знаменах в перевернутом виде. Так яснее прослеживалась ее символика: рожки, уши, борода.

Это ведь символ дьявола.

Так вот чем вы обозначаете наши самолеты и танки, ТОВАРИЩИ?!

Что делать с памятниками Ленину, чтобы спасти их от вандалов? Аккуратно и целенаправленно демонтировать. Можно свезти в большую долину под Москвой. Чтобы они стояли, и вытягивали руки, указывая друг на друга. Мавзолей можно аккуратно разобрать, и вывезти в эту же долину вместе с мумией вождя мирового пролетариата. Красная площадь не кладбище.

Книга рекордов Гиннеса пополнится. Такого памятника тоталитаризму нет ни в одной стране мира. И поток туристов на площадь Лениных не оскудеет никогда.

Конечно, ВСЕ памятники преступнику Ульянову свозить на эту площадь не стоит: слишком много места будет отнято у строительства и вывезено из сельхозоборота. Достаточно будет лишь крупнейших городов. Памятники поменьше можно выставить на аукцион: пусть новые русские и коммунисты свои приусадебные участки украшают.

Но за что они мозолят глаза всей стране? Наша страна уже и так много пережила.

Александр Конигов

О двух демаркационных линиях между германскими и советскими войсками на территории Польши (1939)

В библиотеке Всесоюзного геологического института при просмотре каталогов была встречена ссылка на карту под названием «Демаркационная линия между германской и советской армиями (22 сентября 1939 г.)». В 60-х и 70-х годах эти слова были непонятны и загадочны. Подобные карты в то время обычно списывались и уничтожались. Но эта уцелела благодаря одному из сотрудников, который много лет вопреки обычному порядку не сдавал карту. Смысл названия стал проясняться после появления в 1980-х гг. в советской печати сведений о договорах 1939 г. между Германией и СССР, о секретном дополнительном протоколе к пакту Молотова-Риббентропа (в зарубежной печати такие данные публиковались в 1948 г.). На карте была изображена линия, разделяющая Польшу на две части – западную и восточную. Стало понятно, что «обнаруженная» карта имеет прямое отношение к договору Германии и СССР от 23 августа 1939 г. и секретному дополнительному протоколу. Сведения об этой карте не публиковались, и она оставалась неизвестной историкам.

ДЕМАРКАЦИОННАЯ ЛИНИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНСКОЙ И СОВЕТСКОЙ АРМИЯМИ
(22 сентября 1939 г.)

Не прошло и двух месяцев после заключения договора «О ненападении» (пакта Молотова–Риббентропа), как 28 сентября 1939 г. был заключен новый договор «О Дружбе и Границе». К этому договору прилагалась другая, широко известная карта, которая демонстрирует иную демаркационную линию. Причина дублирования важнейших договоров за столь короткий период освещена в литературе недостаточно вразумительно. Сравнение обеих карт позволяет более четко осветить события сентября 1939 г. и осознать причину скоропалительного заключения второго договора с новой демаркационной линией.

Основную часть карты, первой из названных, занимает изображение территории Польши. На карту частично или полностью попадают прилегающие территории Германии, СССР, Чехословакии, Литвы, Латвии, Эстонии, Австрии, Венгрии, Румынии и Швеции. Как следует из надписей на полях, карта издана Главным управлением Геодезии и картографии при СНК СССР, сдана в производство 20 марта 1939 г., подписана к печати 9 сентября 1939 года, отпечатана в полиграфическом комбинате имени В.М. Молотова в Москве тиражом 25 000 экземпляров. Масштаб карты 1:1500000. Карта была сдана в производство незадолго до подписания пакта Молотова–Риббентропа, а подписана к печати – после подписания этого пакта и до заключения нового договора от 28 сентября. Название карты: «Демаркационная линия между германской и советской армиями (22 сентября 1939 г.)». Как могла дата «22 сентября 1939 г.», указанная в заголовке, оказаться на карте, вышедшей из печати 9 сентября 1939 года? Тщательное изучение показало, что заголовок был подклеен к карте после ее издания (по-видимому, это было сделано в той же типографии). Оче-

Условные обозначения

Границы:

—	Граница СССР
—	Граница Германии
—	Граница Чехословакии
—	Граница Литвы
—	Граница Латвии
—	Граница Эстонии
—	Граница Австрии
—	Граница Венгрии
—	Граница Румынии
—	Граница Швеции

Города: — город, — районный центр

Условные обозначения населенных мест:

— город, — районный центр

Д — железная дорога
К — автомобильная дорога
Б — водный путь

05/2010

видно, подклеенный заголовок заменил собой первоначальный «Польша» или «Польша с прилегающими территориями».

«Демаркационная линия» на карте Польши представляет собой надпечатку, выполненную типографской краской, отличающейся от других границ. На внешнем поле карты, за рамкой, допечатан дополнительный к первичной легенде условный знак демаркационной линии. Он сопровождается поясняющей надписью: «Демаркационная линия нанесена в соответствии с германо-советским коммюнике, опубликованным 22 сентября 1939 г.». Кроме того, на востоке территории Польши сделаны две надпечатки: «Западная Белоруссия» и «Западная Украина», прилегающие соответственно к Белорусской ССР и Украинской ССР. Надпечатка изображения демаркационной линии была нанесена на только что изданную географическую карту Польши, по всей вероятности, в период 23–25 сентября.

На карте проставлен библиотечный штампик «7 октября 1939 г.» – день регистрации ее в библиотеке. Наличие его исключает какие-либо издательские изменения после указанной даты. Какая часть тиража карты Польши была преобразована в карту «демаркационной линии» неизвестно. Экземпляры описанной карты и подобные ей в 1939 г. рассылались в библиотеки; в дальнейшем большинство экземпляров было изъято. Описанная карта с границей раздела Польши оставалась практически неизвестной.

На карте можно во всех деталях проследить демаркационную линию, теперь широко известную по многократно публиковавшемуся тексту секретного протокола к пакту Молотова-Риббентропа от 23 августа. Демаркационная линия пересекает всю территорию Польши с севера на юг, разделяя ее на две части – западную «сферу интересов» Германии и восточную «сферу интересов» Советского Союза. Между словесным описанием демаркационной линии и её картографическим изображением наблюдается полное соответствие. В своей северной части демаркационная линия начинается от границы Восточной Пруссии с Польшей, далее следует на юг по р. Писсе (правому притоку реки Нарев), затем по р. Нарев вплоть до впадения в Буг. Далее на расстоянии около 30 км линия, делая петлю, следует по реке Буг в её *нижнем течении* до устья и, повернув на юго-восток, выходит на р. Вислу. На карте четко видно, как демаркационная линия, следуя по Висле, пересекает Варшаву на две части – левобережную и правобережную, так, что первая попадала в сферу интересов Германии, а вторая – в сферу интересов СССР. От устья Сана, притока Вислы, граница следует на юг по р. Сан до границы с Чехословакией.

Интересная деталь: в тексте секретного протокола от 23 августа граница сфер интересов Германии и СССР на территории Польши вначале была намечена только по трем рекам – Нареву, Висле и Сану.

Через день, 25 августа, Шуленбург посылает Молотову телеграмму, где дополняет ее описание: «По рекам Писса, Нарев, Висла, Сан». Некоторые авторы полагали, что речь идет лишь об «уточнении польских названий». На самом деле, добавление р. Писсы весьма существенно. Благодаря этому дополнению демаркационная линия севернее р. Нарев прямо выходит по р. Писсе на южную границу Пруссии.

На карте можно видеть редкое изображение тех частей Чехословакии, которые по Мюнхенскому договору 1938 г. отошли к Германии и Венгрии. Отторгнутые территории, составляющие около трети страны, по причудливой фантазии участников совещания образуют две протяженные зоны, которые тянутся по северной и её южной окраинам страны, превращая ее в ещё более узкую полосу земли. В состав северной зоны входит небольшой приграничный участок (Тешинский), отошедший к Польше. В марте 1939 г. Чехословакия была полностью оккупирована Германией, но на карте это ещё не отражено.

Факт заключения секретных дополнительных протоколов к обоим договорам или их достоверность по сей день иногда ставится под сомнение, ибо оригиналы протоколов в ряде случаев не сохранились или недоступны. Однако описанная карта прямо и четко указывает на наличие плана раздела Польши по указанным рекам. Словесное описание границы в тексте секретного протокола от 23 августа (с учетом дополнения Шуленбурга от 25 августа) полностью совпадает с изображением границы на обсуждаемой карте, что лишний раз указывает на беспочвенность попыток отрицания плана раздела Польши по демаркационной линии. Западная половина Польши попадала в сферу интересов Германии, восточная – в сферу интересов СССР.

Как следует из анализа карты и сравнения с текстом секретного протокола к Пакту о ненападении, линия предполагаемого раздела Польши была частью границы раздела всей Восточной Европы. Как сказано в протоколе, «стороны обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», при этом по плану от 23 августа «северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР». Таким образом, из Прибалтийских государств в сферу интересов СССР были включены Финляндия, Эстония и Латвия. Литва согласно протоколу от 23 августа отходила к сфере интересов Германии.

Таким образом на севере граница раздела Восточной Европы вдоль юго-восточных границ Пруссии и Литвы подходила к Латвии, а затем по границе Литвы и Латвии выходила к Балтийскому морю. В южной части демаркационная линия точно выходит на внутреннюю границу Чехословакии; эта граница отделяет восточную окраину Чехословакии (так называемую Карпатскую Украину) от осталь-

ной её части. На юго-востоке Европы к сфере интересов СССР отводилась Бессарабия.

31 августа 1939 г. пакт о ненападении был одновременно ратифицирован Внеочередной 4-й сессией Верховного Совета СССР и Рейхстагом Германии. На следующий день после ратификации, 1 сентября, германские войска начали наступление на Польшу, положив начало второй мировой войне.

8 сентября германские войска подошли к Варшаве и, осадив ее, перешли через демаркационную линию и продолжили наступление, теперь уже по территории интересов СССР. Соглашение о демаркационной линии от 23 августа было нарушено, но не в результате очередных переговоров, а в ходе стремительного продвижения германских войска по территории Польши на восток, в сторону Советского Союза. Польское правительство, покинув столицу, перебралось на восток Польши, в Люблин, ближе к границе с СССР.

Гитлер неоднократно и настойчиво побуждал Сталина так же начать наступление на Польшу и принять участие в реализации плана, но Сталин медлил. По словам Молотова, «советское правительство было застигнуто совершенно врасплох неожиданно быстрыми германскими военными успехами». В беседе с Шуленбургом (телеграмма от 14.09.1939) Молотов просил сообщить, «когда можно рассчитывать на захват (германскими войсками – А.К.) Варшавы», чтобы начать поход на Польшу после падения ее столицы. Только 17 сентября, еще до падения осажденной Варшавы, Красная армия начала поход на запад по территории Польши. Польское правительство срочно перебралось в небольшой городок на юго-востоке Польши, а затем в Румынию.

С 17 по 22 сентября 1939 года германские и советские войска продвигались навстречу друг другу по той части польской территории, которая была отнесена к сфере интересов СССР. (В эти дни среди населения, по личному воспоминанию, ходили тревожные слухи о каких-то столкновениях советских и германских войска.) 22 сентября напряженная ситуация отчасти разрешилась: в Бресте состоялся известный совместный парад военных частей Германии и РККА.

Этим же числом датировано германо-советское коммюнике, упоминаемое в названии и на полях карты. Коммюнике гласит: «Германское правительство и Правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков». Описание полностью идентично тексту секретного протокола к пакту Молотова-Риббентропа.

Как ни удивительно, германские войска прошли далеко восточнее Вислы, до Буга, а германско-советское коммюнике от 22 сентября вновь деклари-

рует виртуальную границу, которая была уже в тылу германских войска. На рассматриваемой карте, следовательно, указан не реальный рубеж между армиями, образовавшийся в конце сентября, а граница раздела Польши, задуманная ранее, 23 августа. В этом коммюнике, очевидно, проявилось желание советского руководства повлиять на немецкую сторону вернуться на позиции договора от 23 августа. С этим на словах соглашалось и немецкое руководство.

Но ситуация разрешилась иначе. Германские войска не возвратились на линию пакта о ненападении (за небольшими исключениями).

Вечером 25 сентября Сталин неожиданно предлагает «при окончательном урегулировании польского вопроса не оставлять независимым остаток Польского государства», а часть территории Польши восточнее демаркационной линии, уже захваченную Германией, «добавить к порции» Германии. За это германская сторона откажется от Литвы. Эти проблемы обсуждались в Москве 27 и 28 сентября при личном участии Сталина. Гитлер принял этот план. В итоге 28 сентября был заключен новый договор с многозначительным названием «О Дружбе и Границе», с тремя секретными протоколами. Договор принимает сложившуюся реальность: демаркационная линия переносится с Вислы и Нарева на восток на *среднее и верхнее течение* р. Буга. (Упомянутый отрезок реки Буга не следует смешивать с его *нижним течением*, входящим в первоначально планируемую демаркационную линию от 23 августа).

В результате сфера интересов СССР на территории Польши была основательно урезана за счет части Польши между Вислой и средним-верхним течением Буга. От прежней линии раздела сохранились только ее самый северный и самый южный участки. Вопреки пакту Молотова-Риббентропа, вся центральная часть Польши отошла к Германии. Восточнее линии, намечавшейся в протоколе 23 августа и провозглашенной в коммюнике 22 сентября, возникла «новая» демаркационная линия с внушительным выступом в сторону СССР – Бугским амфитеатром (использованным Гитлером при наступлении на СССР в 1941 г.). «Потеря» части центральной Польши была компенсирована передачей советской стороне Литвы. Германия сохраняла за собой лишь Клайпедскую область – юго-западную часть Литвы, незадолго до того захваченную Германией. Вскоре Германия отказалась и от области Клайпеды, продав её СССР за 7,5 млн золотых долларов.

После 17 сентября в СССР не делали особого секрета из «секретного» протокола 1939 г., да в этом уже и не было надобности – весь мир воочию увидел «демаркационную линию» на местности.

С 4 сентября в газетах «Правда», «Известия» и даже в «Пионерской правде» почти ежедневно публиковались небольшие схемки территории Польши, были показаны и схемки демаркационной

05/2010

линии в обоих вариантах (с границей по Висле и по Бугу). В дальнейшем эти сведения перестали публиковаться, а потом секретные соглашения с описанием линии раздела Польши и вовсе отрицались.

В состав документов, связанных с германо-советским договором о дружбе и границе от 28 сентября, входит другая карта, широко известная. Если в протоколе от 23 августа линия демаркации была описана только словесно, с указанием рубежей по четырем рекам, то в договоре от 28 сентября нет словесного описания новой границы, но зато делается ссылка на карту, которая таким образом является частью договора «О Дружбе и Границе». На этой карте демаркационная линия продлена за пределы Польши в северном и южном направлениях. На севере она отсекает в пользу СССР Литву, в пользу Германии – выступ территории бывшей Польши с г. Сувалки, а на юге отсекает в пользу СССР Карпатскую Украину (часть бывшей Чехословакии). Немецкий оригинал этой карты сохранился и находится в архиве МИД Германии. Факсимиле карты неоднократно передавалось советской стороне по ее просьбе («Литературная газета» от 5 июля 1989 г.).

На карте вблизи новой демаркационной линии, на территории, доставшейся Советскому Союзу, стоят две подписи Сталина. Одна подпись вплотную примыкает к новой демаркационной линии по Бугу (примерно в 150 км восточнее прежней линии Нарева и Вислы). Этой подписью Сталин принимает новую границу и в то же время как бы ставит «упор» с востока. Вторая, менее заметная, подпись стоит в районе Львова (Лемберга). Подписание нового договора о дружбе и границе сопровождалось тостами, рукопожатиями, улыбками и другими проявлениями большого удовлетворения. Но по существу игра со сменой демаркационной линии Сталиным была проиграна. Договор от 28 сентября свидетельствует о дипломатической и тактической капитуляции Сталина перед натиском вероломного партнера. Сталин неправильно оценил будущие последствия раздела Польши и не только принял в договоре от 28 сентября сложившуюся ситуацию, но и сам предложил сохранить за Германией Бугский выступ, направленный в сторону СССР.

Считается, что Сталин стратегически выгадал, получив в дополнение к Латвии и Эстонии еще и Литву с Виленским воеводством. Мол, вместо 30 километров пути до Ленинграда и Минска, германской армии пришлось преодолевать лишние десятки и сотни километров по территориям прибалтийских стран. На самом деле германской армии теперь предстояло идти до Москвы не от западной границы Польши, какой она была до 1 сентября 1939 г., и даже не от той, какой она могла быть по договору от 23 августа, а от новой демаркационной линии, передвинутой ближе к границе с СССР благодаря существованию Бугского выступа. Перенос германо-советской границы к западу от Литвы не помешал Гитлеру подойти к луж-

скому рубежу за десять дней и захватить Минск через неделю после начала войны.

Трагическим результатом установления демаркационной линии на территории Польши стало то, что Красная армия в сентябре 1939 г. оставила старые укрепленные районы вдоль прежней границы с Польшей. По словам Молотова, («Фальсификаторы истории», Политиздат, 1948) советские войска «заняли Западную Украину и Западную Белоруссию и развернули там строительство обороны (линия Керзона)», однако новая оборонительная линия не была и не могла быть достаточно подготовлена за оставшееся время. Гитлер добился не только разгрома Польши и создания непосредственной линии соприкосновения с СССР, но и демонтажа советских укрепленных районов, что, как следует полагать, было главной целью его дипломатии в августе-сентябре 1939 года. В предвкушении молниеносного разгрома Советского Союза, планируемого им в недалеком будущем, Гитлер легко шел на территориальные уступки советской стороне. Сама идея совместного раздела Европы сыграла роль ловушки для сталинской дипломатии и политики.

Разгром Польши и лишение независимости Литвы, Латвии и Эстонии не укрепили военные позиции СССР, а, напротив, ослабили военную потенцию страны. Если бы в 1941 г. эти государства сохраняли самостоятельность, то Гитлеру пришлось бы добираться до границы с СССР через несколько независимых государств. Это сделало бы менее тяжкими дальнейшие последствия для СССР. Вторая мировая война могла не состояться... Сталинское руководство привело к трагическим последствиям для народов, в первую очередь для советского, которому пришлось принести огромную жертву для исправления ошибок Сталина.

Вслед за ликвидацией польского государства и созданием государственной границы Германии и СССР советское руководство немедленно приступило к акциям по разделу Европы в соответствии с пактом о ненападении. После разгрома Польши в реализации «демаркационной линии» в Европе наступила новая стадия, продолжавшаяся с сентября 1939 по 22 июня 1941 г. В этой стадии выделяются три этапа:

1-й этап, октябрь-ноябрь 1939 г. Напряженные переговоры со странами Балтики. Путем переговоров советское правительство безуспешно добивалось предоставления военных баз в странах Прибалтики, перемещения на СЗ границы с Финляндией.

2-й этап, 30 ноября 1939 – 12 марта 1940 г. Советско-финская война, короткая, но кровопролитная. Война привела к территориальным уступкам Финляндии в пользу СССР, вызвала ноты Англии и Франции и исключение СССР из Лиги Наций. «Советский Союз, разбивший финскую армию и имевший полную возможность занять всю Финляндию, не пошел на это и не потребовал никакой контрибуции в возмещение военных расходов» (из речи Молотова на сессии Верховного Совета СССР

25 марта 1940 г. «Фальсификаторы истории», 1948, с. 59).

3-й этап, март-август 1940 г. Возобновление переговоров с Литвой, Латвией и Эстонией. На этот раз податливость руководства прибалтийских государств соответствовала атмосфере, сложившейся после кровопролитной советско-финской войны. После определенных колебаний все три государства в одночасье заявили (21 июля 1940 г.) в своих декларациях о вступлении в СССР в качестве союзных республик. На сессии Верховного Совета СССР они были приняты соответственно 3, 5 и 6 августа. Форсированное включение Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР в 1940 г. обернулось через полстолетия, в конце XX в.,

одним из основных факторов развала Советского Союза.

Таков пролог ВОв, с началом которой обе демаркационные линии, задуманные и согласованные Гитлером и Сталиным, были сметены одна за другой. Стратегическое соглашение 23 августа 1939 г. о разделе польского государства и Европы между Германией и СССР, а также тактические манипуляции с изменениями демаркационных линий между германскими и советскими войсками – катастрофические ошибки Сталина, исправление которых потребовало нескольких лишних тяжких лет войны и гибели десятков миллионов людей на их пути к победе в 1945 г.

Антон Васильев

Чудо на реке Ханган, или Страна утреннего солидаризма

В годы II мировой войны трудно было найти в Азии страну, ограбленную и униженную сильнее, чем Корея.

Опираясь на оккупационные войска и сеть жандармско-полицейских участков, японские колониальные власти лишили корейцев элементарных политических прав, запретили деятельность любых национальных организаций, объявили японский язык официальным. На японском велось преподавание в школах, где он именовался родным языком, а корейский – иностранным. Историю Кореи рассматривали и преподавали как составную часть истории Японии.

Корейцам запрещалось даже иметь свои имена (их меняли в принудительном порядке на японские), носить национальную одежду, исполнять корейские ритуалы и обычаи. Было время, когда за разговор на родном языке с корейцев взымали штраф в десять иен за слово! Такого вопиющего подавления национальной идентичности покорённых народов не совершали даже гитлеровцы в Европе (возможно, им просто не хватило времени, ведь японская оккупация Кореи продолжалась 40 лет).

По американским данным, оккупанты принудили 150–200 тыс. молодых кореянок работать в борделях для военнослужащих, где их постоянно избивали и насиловали, вводя затем препараты, вызывающие бесплодие.

Корея оказалась в эпицентре колониальных интересов Японии не случайно. Геополитическое положение Корейского полуострова имело важное стратегическое значение: близость к Китаю и России, общие границы с Манчжурией, чрезвычайно удобные морские порты: Инчхон на западном побережье, обеспечивающий выход в Желтое море и Ляодунский залив, и Пусан на южном, близ японских портов Симоносэки и Са-

После войны

эбо. Корея, таким образом, была призвана стать военным плацдармом для дальнейших агрессивных действий против царской России и цинского Китая.

В 1920-е годы японцы вывезли из Кореи 34 процента, в 1930-е – более 80% всего произведенного хлопка, причём по низкой цене, далеко не компенсирующей крестьянского труда и составлявшей менее 18% от международной рыночной цены. Брали только высококачественный хлопок, проходивший строгую проверку.

Сегодня

Даже та система была в 1930-е годы отменена и началась безвозмездная экспроприация по системе реквизиции. Большая часть награбленного хлопка увозилась в Японию на сырье для хлопчатобумажной промышленности, а остальная – доставлялась японским владельцам текстильных фабрик в Корею.

Кроме хлопка объектами повальных реквизиций становились табак и другие технические культуры. Оккупанты безвозмездно вывозили из Кореи в Японию старинные сокровища, драгоценные металлы, лес и прочие полезные ископаемые.

После II мировой войны Корея по уровню ВВП на душу населения уступала Папуа Новой Гвинеи и Нигерии. В стране не было ни одного многоэтажного жилого дома, электричество даже в крупных городах подавалось не круглые сутки, а канализацией в Сеуле была обеспечена лишь четверть всех домов. Голод – не нехватка продовольствия, а именно голод – царил в деревнях. Корейцы старшего поколения хорошо помнят времена, когда в начальной школе лишь 4–5 из 40–50 учеников в классе могли позволить себе есть рис. По весне трава и отваренная кора деревьев были обычными «блюдами» на крестьянском столе. Особенно бедствовал Север, буквально перепаханный ковровыми бомбардировками.

Пак Чжон Хи был родом из бедных крестьян, в молодости переболел коммунизмом, а поправившись, стал одним из лучших боевых офицеров южной армии. Свергнув в 1960-м году коррупционера Ли Сын Мана, он, уже генерал, не пожелал быть американской марионеткой. Созданный умницами-военными Совет экономического планирования сразу же стал важнейшим из всех корейских министерств и ведомств. Пак Чжон Хи и его соратники хотели видеть Южную Корею сильным и богатым государством, но проблемы, стоявшие тогда перед страной, казались

неразрешимыми. Как впоследствии написал сам генерал: «У меня было такое чувство, как будто я принял дела обанкротившейся фирмы».

В Корею не было (и сейчас нет) практически никаких полезных ископаемых, так что пример арабских шейхов, добывших нефть из пустыни, здесь бы не сработал. Даже сельскохозяйственными продуктами небольшая, но густонаселенная Корея себя тогда не обеспечивала, и физическое выживание населения зависело от американской гуманитарной помощи. Единственным наличным ресурсом Кореи были сами корейцы, их высокая трудовая культура, сплочённость и патриотизм. Именно на это и была сделана ставка.

Пак Чжон Хи призвал корейцев брать за границей кредиты и на них строить фабрики, которые бы работали на импортном сырье и иностранной технологии. Продукция должна была отправляться на экспорт, а вырученные деньги – использоваться на закупку нового сырья и новых технологий.

Генерал не брал взяток и не стремился обеспечить свою семью на веки вечные. Ему были нужны не конверты с пачками долларов, а исполнение приказов и экономическая эффективность,

причём под эффективностью он понимал не столько прибыльность, сколько способность производить качественный товар на экспорт. Как офицер решает, с кем пойдёт в разведку, так и президент находил будущих капитанов бизнеса среди верных и способных людей. Эти избранные создали «чэболи» – аналоги японских дзайбацу, фирмы с семейными, патриархальными отношениями в коллективе.

Когда в 1961 г. Пак Чжон Хи объявил, что через пять лет экономический рост Кореи составит 7,8%, практически никто в развитых странах не воспринял эти планы всерьёз. Однако уже в 1963 г. корейский ВВП вырос на 9,1% – блестящий показатель, который сделал Корею одним из мировых «эконо-

Hyundai на Тверской

мических чемпионов» того года. Поначалу многим казалось, что это – всего лишь случайный успех, но все 18 лет правления Пак Чжон Хи (1961–1979) годовой рост ВВП составлял 8–10%, изредка поднимаясь до 12–14% и никогда не опускаясь ниже 6%! К всеобщему удивлению, Южная Корея неожиданно превратилась в одну из самых быстрорастущих экономик планеты (и удерживает это положение до сих пор). Реформы прозвали в народе «Чудо на реке Ханган».

Пак Чжон Хи – это корейский Лебедь, прошедший к вершинам власти.

Чон Чжу Ён в 18 лет отправился с родного Севера в Сеул на заработки. Он был грузчиком, разнорабочим, курьером и автомехаником, а позже открыл свое дело – авторемонтную мастерскую. В 1946-м году она стала первым предприятием, носившим название Hyundai («Современность»), а в 1947 г. была основана строительная фирма Hyundai Civil Industries (впоследствии – Hyundai Construction).

В момент основания фирма представляла собой, скорее, бригаду шабашников: весь ее штат состоял из хозяина и 11 рабочих.

Фирмочке помогла подняться Корейская война и многочисленные американские заказы на военные сооружения. К концу пятидесятых детище Чон Чжу Ёна уже представляло из себя крупную, по корейским меркам, компанию.

На волне послевоенного строительного бума Hyundai Construction основала в декабре 1967 года компанию Hyundai Motor, способствовав таким образом становлению транспортной и машиностроительной отраслей Южной Кореи. В 1968 компания Hyundai, первоначально известная как судостроительная и проектно-конструкторская фирма, приступила к производству автомобилей. Вначале собирали модели Форда, затем уже свои, корейские легковушки, быстро ставшие не роскошью, а средством передвижения.

Сейчас громадный логотип Hyundai висит над Тверской улицей в Москве, если смотреть на неё с Манежной площади.

Реконструируя Samsung, до реформ Пак Чжон Хи торговавший рисом и сахаром Ли Бьонг Чул сформулировал три принципа фирмы:

- 1) **помогать экономическому развитию корейской нации;**
- 2) **действовать, исходя из принципа экономической целесообразности;**
- 3) **с уважением относиться к трудовым ресурсам.**

Ли Бенцзе, именуемый «отцом финансов Кореи», утверждал: «**Источник благосостояния – не власть, не деньги, а человек.**»

Одно из положений корпоративной этики Samsung гласит: «**Компания хороша ровно настолько, насколько хороши ее ресурсы и общество,**

Samsung над Государственной библиотекой

в котором она работает. И компания Samsung прилагает усилия для того, чтобы добиться усовершенствования общества в мировом масштабе».

В корпоративной культуре упор сделали на интеграцию тружеников в единый коллектив и управленческий талант персонала. Однажды самсунговские рабочие перевозили в новый цех дорогостоящие импортные станки. Чтобы они не пострадали при перевозке по старой, разбитой дороге, по указанию руководства новую дорогу проложили *за пару часов*, а чтобы кладка быстрее высохла, применили мощные вентиляторы...

На протяжении десятилетий рабочие и служащие корейских чэболей были гарантированно защищены от безработицы. В Корее почти не было «вэлфера», но фирмы могли увольнять кадровых сотрудников только за серьезнейшие проступки, вроде промышленного шпионажа. Пенсионеров за ворота не мог выгнать никто.

Солидарность внутри корейского социума поражает. Если турист, иностранец заблудится – корейцы оторвутся от почти любой работы и проведут, куда нужно. Корейцы сочувствуют даже вора и бандитам, попавшим в тюрьму, – совсем как в древней Руси... Даже если вор прежде был богачом – отношение к нему не меняется. В Корее есть понятие «косэн» – рок, невзгоды, судьба-злодейка. Ну, воровал, брал взятки. Но теперь же он в тюрьме! Терпит такой косэн!

Южнокорейская элита не имеет привычки демонстрировать, что может жить вне законов, или по другим законам, нежели весь народ. Достаточно простого примера. Российскому журналисту довелось общаться с сыном посла Южной Кореи в ООН. Он отслужил положенный срок в армии и даже не думал «откосить». Более того, любая подобная попытка означала бы конец карьеры отца. В Южной Корее солидарность – не пустой звук, и все слои населения в равной степени несут на себе тяжесть военной службы. Южнокорейский миллионер в «Мерседесе» скромно едет в общем ряду, не вылезая на встречу, не зная ни про какие мигалки и спецномера... Солидарная нация. Нам бы так.

«Одно из самых десемантизированных понятий в современном языке – понятие “Империя”. Оно утратило прежнее содержание, превратилось в общепринятое наименование нечистой силы». Трудно поверить, что эти слова написаны компетентным наблюдателем лишь несколько лет назад. «Тема Империи настойчиво вытесняет недавние шумные споры коммунистов и либералов, почвенников и западников, указывая им их подчинённое место в разговоре о судьбе человечества, прежде всего о судьбе европейской цивилизации». Либеральный автор этой сегодняшней оценки говорит отнюдь не об апологетике псевдоимперских коммунистических гособразований. Тоже весьма распространенной.

В этом номере мы знакомим читателя с тремя господствующими точками зрения на предмет спора. Имперскую позицию представляет Георгий Мейер – один из ведущих авторов «Возрождения» 1920–1930-х годов, публицист и литературовед круга П.Б. Струве. Содержание поступившей в нашу редакцию статьи Бориса Тарасова – правая, славянофильская по аргументации критика феномена Империи. Наконец, статья Андрея Пуговкина содержит левую, либерально-демократическую критику имперских понятий.

Редакция не лелеет утопической надежды установить окончательную истину в рассматриваемом вопросе.

Георгий Мейер

Поруганное чудо

Биография и творчество Георгия Андреевича Мейера, автора предлагаемой ниже статьи, неразрывно связаны, они органически дополняют друг друга. Он родился 7 (19).02.1894 в Симбирской губернии, в семье потомка ливонского рыцаря Мейера фон Зегевольта, перешедшего на службу в России при Иване Грозном, и внучки писателя С.Т. Аксакова. По окончании реального училища поступил на филологический факультет Московского университета. Сражался в рядах Вооруженных Сил Юга России, в 1920 г. эвакуировался в Константинополь. В 1923 г. переехал во Францию, в 1925–1940 гг. был сотрудником газеты «Возрождение», основанной в Париже П.Б. Струве. «Возрождение» возникло как орган не сложившего оружия Добровольческого движения, направление газеты всегда было четко антикоммунистическим. В 1959 г. Мейер начинает печататься в журнале «Грани», где появляются главы его книги о Достоевском, оставшейся неоконченной. Литературное наследие Мейера насчитывает несколько десятков публицистических и философских статей и две книги, изданные уже посмертно. Скончался 7.02.1966 в Дьепе, во Франции.

Публикуемый текст взят нами из книги «У истоков революции», Possev-Verlag. Frankfurt/Main, 1971 – издания, давно ставшего библиографической редкостью. Мы снабдили его сносками и подвергли незначительному сокращению. Цитаты выверены по первоисточникам; там, где уточнения никак не влияли на логику и структуру текста, мы вносили их без специальных оговорок.

Замело тебя, счастье, снегами,
Унесло на столетия назад,
Затоптало тебя сапогами
Отступающих в вечность солдат¹
Георгий Иванов

1.

Что понимать под восприятием вселенски-православным, еще так недавно присущим, бездумно и бессознательно, многим и многим миллионам россиян, самых различных племен и даже вероисповеданий?

Не разумеет ли под ним особое отношение к жизни, внушенное нам многовековым подвигом киевских и московских монастырей?

Вокруг церковных таинств и обрядов, повторяемых, свершаемых изо дня в день, из года в год, из века в век, вокруг богослужения в целом – прообраза небесного бытия, данного нам откровением, – вокруг песнопений, иконописных ликов – окон, отверстых в вечность, – вокруг ангельски-чи-

стых линий монашеских одеяний, священнических риз и поднебесного звона колоколов – благовеста преображенной материи – образовался сияющий нимб, незримое телесным оком великое излучение, обнимавшее российские пространства, овладевавшее душами живущих и умерших. Этой нездешней глубиной и красотой преосуществлялся самый воздух, который мы все вдыхали, творилась атмосфера, в которой вырастали не одни русские, родившиеся в православии и непосредственно связанные с его догматами, но и все россияне вообще, к какому бы племени они ни принадлежали и какую бы веру ни исповедовали.

Выпадали из этой атмосферы лишь люди, действительно враждебные всякой религии, или, что то-

го хуже, равнодушные к ней – своим атеизмом, как лезвием разбойного ножа, рассекавшие тайные нити, даже их в раннем возрасте соединявшие с таинством российской жизни. Из этих-то людей и выходили революционеры – убийцы по убеждению, нигилисты и народники антирелигиозного толка.

Одна лишь всеобъемлющая свобода православного мировосприятия и мирочувствия могла осуществить чудо под полярным кругом, чудо Российской Империи, в которой путем духовного обмена веществ роднились и сочетались, никогда не теряя себя, не нивелируясь, не стираясь, не смешиваясь, а, напротив того, творчески дифференцируясь, идейные начала и народности, казалось, дотоле непримиримо враждебные.

Эта личная и соборная внутренняя свобода весьма отличается от индивидуального и коллективного человеческого своеволия, столько раз провозглашавшегося со времен французской революции и теперь, наконец, насильственно навязанного жизни и узаконенного сторонниками эгалитарно-демократического прогресса. Революционное своеволие, обманно названное свободой, вначале, по выражению Пушкина, отвергает население «в хмельное беснование», а потом приводит к нейтрализации каких бы то ни было духовных идей, неизменно объявляемых равноценными перед лицом суверенного народа. Единственной утверждаемой истиной остается право на безразличное и безличное смешение всего, право, ни горячего, ни холодного, нейтралитета.

Провозглашая высшие реальности несуществующими, или, во всяком случае, недействительными, внежизненными, эгалитарно-демократический прогресс подменяет их позитивными, реалистическими благами, дарует шаткие социальные права, призрачные привилегии лишь формально понимаемой свободы безобразному подобию общества, лишеному твердых сословных граней, стройной религиозной иерархичности. Такие права и привилегии отвергаются творческой личностью, как отвергались они в 19-м и 20-м веках во Франции всеми лучшими французскими писателями, поэтами, художниками и мыслителями, например, Жозефом де Местром, Бальзаком, Стендалем, Флобером, Рембо, Гогеном, Леоном Блуа и еще многими другими. О таких правах, свободах и привилегиях в одном неоконченном стихотворении Пушкин говорит:

*Все это, видите ль, слова, слова, слова. –
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая нужна мне свобода².*

В потаенных кельях лесных монастырей впервые зародились у нас эти иные, лучшие права. Оттуда вышли они на простор старокиевских княжеств, смягчая, преображая души и сердца недавних приверженцев первобытного язычества. Из атмосферы вселенского православия, восприня-

того древнекиевским миром, возникла у нас эта иная, лучшая свобода, временно ущемленная в дни московского разложения и заново расцветшая в Российской Империи по мановению Петра, основавшего Петербург и тем воскресившего Киев. В этих правах, в этой свободе, сами того не ведая, переплавлялись души, вырабатывались новые типы лиц, изменялся внешний, природный облик страны, нарождался ландшафт – печать, налагаемая на природу, на леса, поля, горы творческой волею человека – дух побеждал безликую стихию, из племен выковывалась раса, создавалась российская Нация.

Чудом православия и трагедией имперского созидания осуществленная на русской земле высшая свобода, в преизбытке благодатных сил, вызвала к жизни святых и подвижников, мощных строителей государства, и, как бы играючи, породила своего выразителя, всеобъемлющего гения, поэтический прообраз первородного Адама, еще не знающего грехопадения, или, по определению Достоевского, – «наше все»³, а по выражению Тютчева – высоко вознесенный «божественный фиал»⁴, «первую любовь России» – поэзию Пушкина.

Пушкин сам в совершенстве сознавал свое объединяющее имперское значение и отметил его, как нечто особое, ему одному среди других поэтов принадлежащее, как свою святую и, быть может, единственную заслугу перед народом. Пушкин ведал, что как поэт, в полной мере, в полном объеме, он навсегда останется недоступным соотечественникам, что настоящая поэтическая слава суждена ему «доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит», что народу он будет лишь «любезен», и не поэтическими достоинствами как таковыми, а свободолобием подлинного имперца, изумительным даром идейно соединять в своем творчестве суровое дело государственного строительства с христианским милосердием. И ведая это, он тем торжественнее утверждался в своей священной миссии объединителя, творческого фермента, волнующего сердца, преображающего души.

Избранные современники Пушкина отлично понимали его имперское значение. Еще в 1828 году Баратынский писал ему из Москвы в село Михайловское: «Иди, довершай начатое, ты, в ком поселился Гений! Возведи русскую поэзию на ту ступень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами. Соверши один, что он совершил один, а наше дело признательность и удивление»⁵.

Для Баратынского сливались воедино государственный труд Петра и поэтическое дело Пушкина, перековка, переплавка законов и общества с преображением умов и языка.

По Гоголю, творчество Пушкина невозможно, немислимо вне Российской Империи; для него оно было ее органическим следствием: дерево – Империя, плод его – поэзия Пушкина. Говоря иначе, для Гоголя творчество Пушкина символизировало,

в плане созерцательном, все силы и возможности Российской Империи, являло собою религиозно-эстетическое оправдание государственных деяний царственного труженика Петра.

Петр Великий родился не служителем искусства, не поэтом, но государственным преобразователем и строителем, и поэтому борьбу с самим собою он проецировал вовне, пересоздавал себя прямым воздействием на других. Российская Империя зарождалась в усмирении буйных восстаний стрельцов, она вырастала наперекор мстительным интригам бояр, сопротивлению московского духовенства, дремучей лени мужиков. На московское непокорство и кровь царь отвечал первобытной силой. В этой схватке Московия была не чем иным, как объективированной душой Петра. Трудясь над пересозданием Великороссии, он сам пересоздавался, одухотворялся, он действительно реализовал идеи и формы, впоследствии художественно, в плане, созерцательном, осуществленные Пушкиным.

Поэзия Пушкина с ее даром проникновения во все человеческое и природное, с ее способностью к перевоплощениям, была прямым следствием имперской удачи Петра.

Не так ли волею «строителя чудотворного» преобразованная Великороссия приобщилась к иным народностям, духовно и телесно вселилась к ним и в них, по видимости утрачивая себя в борьбе, в духовно-биологическом обмене веществ, но в действительности утверждаясь, возвеличиваясь соборно, утверждая и возвеличивая других?

2.

Писатель редкого дарования, пронзительного ума и громадной культуры, князь Петр Андреевич Вяземский, на многие годы переживший Пушкина (он родился в 1792-м и умер в 1878-м году), уже на старости лет, вспоминая поэта, своего младшего друга, двумя словами с удивительной точностью определил характер его политических и государственных взглядов, назвав их либерально-консервативными. Такое необычное соединение двух, казалось бы, исключаящих друг друга понятий исчерпывающе определяет государственно-политические воззрения не одного только Пушкина, но всех российских имперцев времен Екатерины Великой, Александра Благословенного и Императора Николая I. Ведь и названная Императрица, и оба Императора были по своему воспитанию и душевному складу не менее либерально-консервативны, чем Пушкин или сам автор столь удачного определения. Но, находясь во главе Империи, они не созерцали, а действовали, и потому на протяжении царствований Екатерины и Александра неоднократно менялось на практике ударение в словосочетании князя Вяземского, падая то на первое, то на второе понятие, в зависимости от государственных соображений, от внешних и внутренних обстоятельств.

Царствование Императора Николая I, благодаря декабрьскому бунту, питавшемуся наскоро-пере-

саженными на русскую почву идеями французской революции, было в целом строго консервативным; все либеральное мерилось тогда властями бережно и скудно, допускалось во все области государственной и общественной жизни с зоркой осторожностью. Имперское правительство переходило на защитные позиции под давлением разрушительного революционного радикализма, подменившего собою в слабой голове разночинца, и особенно журналиста-интеллигента, подлинно прогрессивные идеи, проведенные в жизнь Петром Великим и его преемниками на российском престоле. По мысли одного из самых замечательных наших имперцев, гениального Константина Леонтьева, царственная властность Петра была чрезвычайно прогрессивной, а либерализм Екатерины Великой привел Россию к цветению, творчеству и мощному росту, но с декабрьского бунта и его зловерных последствий останавливается у нас процесс сложного цветения, намечается смесительное упрощение, революционное разложение, и поэтому меры охранения – консерватизм Николая I – были благодатными: они удержали, хотя на время, смертоносное упрости-тельное смешение того, что в прежние годы творчески дифференцировалось историческим процессом.

Константин Леонтьев лучше, чем кто бы то ни было, понимал Императора Николая I, глубже всех ценил его государственную мудрость и политическую дальновидность. Правда, в этом его, в некоторой степени, опередил Пушкин, крылатые слова которого, пришедшиеся не по вкусу революционным интеллигентам второй половины 19-го века и потому ими затертые, мало кому известны. «В России правительством было всегда впереди народа», – сказал Пушкин, слишком очевидно имея в виду не только правительства любимых им Петра и Екатерины II, мнение о которой он в зрелом возрасте круто переменял к лучшему, но и правительство Николая I. Все же Константин Леонтьев первым сумел определить, в чем именно состояла государственная мудрость этого Императора. Он понял, что борясь одновременно с западниками и славянофилами, Николай I охранял Россию от бездарной, по своим возможностям безмерно кровавой русской революции и от не менее бездарной, хотя и сдобренной розовой водичкой туземного «православия», беспросветной типично московской реакции. И как часто, должно быть, задавал себе Император, с чисто имперской точки зрения, вопрос: не смахивает ли наша революция, со всеми своими новейшими западноевропейскими заветами, девизами и лозунгами, на чернейшую реакцию, и не похоже ли болото славянофильской реакции на самодовольную, уже достигшую своих конечных целей революцию?

Император Николай I был деятельный практик и реалист, что не мешало, а, наоборот, помогало ему служить высокой имперской идее, всячески далекой в его представлении от того, что принято назы-

вать империализмом – насильственным рудиментарным нажимом на иные, более слабые национальности, проводимым, например, западноевропейскими державами в их колониальной политике. Николай I постигал имперскую идею в ее полноте, в ее ничем не ущемленной сущности. В этом отношении характерен рассказ де Кюстина, как известно, не любившего ни России, ни ее государственного строя, что в данном случае лишь увеличивает ценность его свидетельства.

Однажды, в бытность свою в Петербурге, де Кюстин присутствовал на придворном рауте. К нему подошел Император Николай I и с улыбкой спросил его, показывая на присутствующих: «Вы, вероятнее всего, думаете, что находитесь среди русских, но вы ошибаетесь: вот немец, там поляк, тут армянин, вон грузин, там подальше – татарин, – здесь финляндец, а все это вместе и есть Россия»⁶.

Еще характернее, еще типичнее для имперской государственности Николая I его столкновение с Самариным, пытавшимся, будучи чиновником в Остзейском крае, проводить в жизнь славянофильские теории. Самарину вздумалось навязать тамошнему населению коротенькую идейку московского бытового исповедничества⁷. Он думал таким образом русифицировать край. Слухи о деятельности славянофильского чиновника дошли до Государя. Разгневанный царь вызвал Самарина в Петербург и подверг его жесточайшему разносу. Он напомнил ему, что в великой Империи, охраняющей духовную жизнь великой нации, не может быть места самоуправству и что традиции и верования жителей Остзейского края перед лицом закона и права несколько не хуже московских⁸.

Это ли не истинная либерально-консервативная политика! Охранять целый край, драгоценную часть Империи, от наглых покушений непрошеного реформатора и тем позволить населению свободно соблюдать родные обычаи и верования. Так поступали наши Императоры, от Петра Великого до Николая I включительно. Они всегда пресекали незаконное с имперской точки зрения распространение местных укладов жизни, навязывание собственного туземного житья-бытья, будь то младшему или старшему брату по Империи. Самодовольное разбухание племенных претензий рассматривалось российской государственностью как психическое заболевание, как раковая опухоль, подлежащая суровому лечению. К непоправимому несчастью для России, Николай I-ый был последним Государем, до глубины чувствующим и сознававшим великолепие многообразно цветущей жизни, возможной только в Империи. Он, подобно своим предшественникам на российском престоле, знал, что эта жизнь, эта духовная сложность осуществимы только равновесным и дружным сопряжением разноплеменных сил.

Либерально-консервативное направление неизменно содействовало расцвету российской государ-

ственности, служило проверкой ее равновесного развития, было ее разумом, сознанием.

3.

Мечтать в наши дни о восстановлении в России свободы либерально-консервативного строя – это значит желать оживления ее имперского духа – точнее, это значит стремиться к воскрешению самой России, ибо она и есть высшее и единственное достижение нашего имперского творчества. Она получила свое наименование от Петра Великого для отличия от Руси и построена совсем не русскими, а россиянами. Русь и русские были при этом тем зерном, о котором сказано мудрыми и святыми устами: «То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет»⁹.

Совершив свой жизненный подвиг, умерев, подобно посеянному зерну, русские ожили в духовном теле Империи, восстали к новой жизни, превратившись в россиян, наравне с другими преобразованными народностями, вошедшими в его состав. Русь была телом душевным. Ее взаимоотношение с Россией можно определить вечными словами Апостола Павла: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное»¹⁰.

Но если, действительно, из душевного тела Московской Руси выросло духовное тело России, то нельзя ли сравнить этот мучительный, трагический рост и конечную метаморфозу с трудным и несомненно болезненным процессом, происходящим в куколке, и появлением из нее в итоге гармонической-разноцветной, радужной бабочки? Причем Московскую Русь понуждали к развитию, как понуждают к нему и куколку, законы и силы, действующие извне, сверху, из атмосферы. А чувствование и той, и другой, их внутренний болезненный рост одинаково хорошо характеризует двустишие поэта:

*Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен*¹¹.

Развивая наше сравнение дальше, можно сказать, что Киевская Русь по отношению к Московской Руси и к России была тем ликующим жизненным началом, каким по отношению к темной куколке и многоцветно изукрашенной бабочке является гусеница, отливающая на солнце всеми цветами радуги. Воля Петра, царственного хирурга, рассекши непокорный, упорный московский кокон, вызвала к жизни Петербург – окрыленный Киев. И тяжкая трагедия в развитии древней Руси, не что иное, как некая высокая норма, встреча и грозное сочетание извне и изнутри идущих желаний – искание совершенного духовно-телесного оформления.

Восприняв православие, Киевская Русь просияла в его лучах, но государственный облик этой страны был слишком зыбким, мягким, неустойчивым, чтобы в жестоких земных условиях сохранить полученное величайшее откровение, ни с чем не сравнимый духовный дар. Незрелое, идеалистическое

05/2010

понимание христианства киевскими князьями и разгул по уделам не усмирённых из центра первобытных языческих вождельний открыли пути нашествию татар, вызвали вмешательство извне. Под давлением внешних сил, оберегая высшее религиозное откровение, киевская государственность отступила в Москву. Там, в положении сравнительно более обеспеченном от прямого и немедленного вмешательства чужеродной воли, наша религиозно-национальная идея могла воспользоваться опытом, приобретенным в несчастьях, и, сосредоточившись, уйти в себя, свернуться, централизоваться, окуклиться – выковать государственную броню для защиты своего непрекращающегося внутреннего роста. Этот процесс созревания и дозревания был невыразимо тяжелым. Именно к московскому периоду нашей истории относятся замечательные строки Случевского, в которых, между прочим, Русь преждевременно названа Россией – ошибка, весьма типичная для русского, хотя бы и гениального, человека второй половины 19-го века:

*В те дни из тысячи волокон,
В жару томительном, в бреду,
Россия, с жизнью не в ладу,
Свивала свой громадный кокон.
Все были закрепошены
В болезнь слагавшейся страны.*

*.....
Что за беда, что на пути
Мы, тут да там, виновны были.
Тех стерли, этих своротили,
Тут не дошли, там перешли...
Спросите каменный утес,
Зачем он здесь и там пророс,
Когда он трещины давал,
Он глубоко, до недр страдал.*

Но свивать свой кокон может лишь тот, кто жизнеспособен. Правда, одна голая жизнеспособность еще не признак в человеке душевных сил, но непоколебимая преданность Московии идее православия и самодержавия, – пусть неверно понимаемых к концу, – показывает, чего ради выработывалась железная московская государственность. Поэтому жар и бред и неладья Московии с собою и миром, смуты, кровавую борьбу великокняжеской и царской власти с туземщиной, с бунтующим народом надо рассматривать как трагическую норму духовного прорастания, как недомогание, сопутствующее воплощению высших идей, болезнь не разлагавшейся, а, напротив, как говорит Случевский, слагавшейся страны. Конечно, заболевание и страдание сами по себе любить нельзя, но поскольку они содействуют воплощению на земле божественных идей, их можно и должно принимать и оправдывать.

Болезненное развитие Киевско-Московской Руси в Россию есть непрерывный, в существе своем нерасчленимый, живой душевно-духовно-телесный процесс.

Лишь в годы, непосредственно предшествовавшие воцарению Петра, обозначилась в Московии тяга к разложению и самоистреблению. Виновато в таком пагубном уклоне было, как и всегда, привилегированное, правящее сословие. Оно перестало руководить народом, остановилось, застыло, и низший слой населения приступил к рассасыванию, расхищению накопленных культурных богатств. Созданная жизненной необходимостью, жестокая московская государственность стала из твердой обращаться в затвердевшую, и, наконец, омертвела в реакционной рутине. Московский государственный кокон из хранителя высшей религиозной идеи превращался в ее гроб. Явление и вмешательство Петра оказались providенциальными. Он снова привел в движение остановившийся, отказавшийся от прогресса, от духовного роста верхний привилегированный слой. В борьбе с бытовым исповедничеством и расколом он восстановил и утвердил в нарождавшейся России истинное вселенское православие и спас идею самодержавия от племенных посягательств, от простонародной и дворянской черни.

4.

Строитель чудотворный, Петр был проводником божественных предназначений, оправданием идеи самодержавия, по-еврейски понимаемой и потому служебной. Он, как гроза, принес с собой очищение. Недаром он для Пушкина носитель сверхъестественной силы, очистительное вторжение в скудное человеческое существование. Перед Полтавской битвой Петр «свыше вдохновенный» выходит из шатра, как вестник, как проводник небесной воли:

*..... Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза.*

Тут неуместны обычные ссылки на «поэтическую образность» и «красочную фигуральность»: сравнения, метафоры и образы Пушкина, как и всякого подлинного поэта, выражают именно то, что он хотел выразить. Творческое слово существенно, ибо оно прикасается к существу. Оно онтологично. Вот почему, говоря о причастных к божественной жизни горных вершинах, по которым «проходит незаметно небесных ангелов нога»¹², говоря об альпийской «венценосной семье», Тютчев, «свыше вдохновенный», называет тем же словом, что и Пушкин, чувство, возникающее в нас при касаниях к мирам иным. Чувство это – ужас. Сияние горней венценосной семьи и лик Царя Петра с сияющими глазами одинаково разят человека ужасом. И Пушкин, в свою очередь, мог бы, вслед за Тютчевым, назвать это невыносимое для нас ощущение – «льдыстым». Вестники вышних велений не согревают бедного человеческого сердца. Властно вторгаясь в наше

свитое в долине гнездо, они побуждают нас к духовным свершениям и подвигам, они говорят нам: будьте, как боги!

Идея самодержавной монархии раскрывала перед Пушкиным и Тютчевым свою мистическую сущность, и они в священном ужасе внимали ей.

<...>

6.

Русская революция впервые поставила полностью проблему отцеубийства и если не разрешила ее, что вообще вряд ли возможно, то, во всяком случае довела на практике до своего завершения самую идею этого зла. И что же теперь по чести можем мы поведать друг другу? Или нам остается только, смотря в непроглядное будущее, признаваться словами городничего в нашем полном бессилии: «Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего!»

Нет, напрягая внутреннее зрение, мы увидим, наконец, что не обманно, не призрачно дрожит и теплится, тускло мерцая во мраке, душевный огонек, завещанный нам Достоевским. Мы должны подавить в себе гоголевский страх и, следуя за Достоевским, завершить им не оконченное дело, для ума невозможное и лишь верующим сердцем постижимое: мы должны преодолеть гоголевских чудищ, мы должны вернуться к Пушкину. То, что тщетно пытался Достоевский сделать в одиночку, мы можем осуществить сообща, соборно. Чудища и мертвецы, прежде невидимо гнездившиеся в наших душах и лишь Гоголем изобличенные, теперь, после перенесенных нами страданий, отделились от нас, обрели форму, обрели для себя некое подобие самостоятельного существования. Эти оборотни наяву овладели нашей Родиной и тем наглядно показали, насколько прав был Достоевский, утверждая, что земная действительность фантастичнее всякой фантастики.

Святая задача эмиграции, зарубежной и внутренней (есть и такая), разобраться в минувшем, отделить в нем пшеницу от плевел, отыскать неведомые посева, предназначенные для будущего, хоть и не возвращенные, но все еще живые. Пора нам понять после подпольных и чердачных персонажей Достоевского, что подвалы и скворешники, клетушки, кабинки, каюты и каморки, столь похожие на гробы, на мучительные прообразы смерти, неизменно скрывают в себе до времени грозные и великие возможности сияния и тьмы, греха и подвига. После Раскольникова и Кириллова, после их страшных опытов, созревающих на нищенских вышках и в скудных комнатных углах, после подпольных замыслов Петра Верховенского, словом, после всех этих темных мечтаний и дерзаний, сразу в двух встречных направлениях, извне и изнутри, взорвавших мир, расщепивших атом, нам ли бояться духовной заброшенности и внешнего убожества жизни?! Нельзя забывать, что судьба оказала нам двойную, трагическую и комическую, услугу, расселив нас по углам и чуланам, в которых еще так недавно она вы-

держивала до срока социалистических уродов, патлатых и лохматых завистников, накопивших неистовую злобу и сокрушивших-таки, наконец, величайшую в свете империю. Запомним урок: на задворках жизни, в ее забытых закоулках обретается опыт, вырастают силы, меняющие судьбы мира. И если все эти Троцкие, Ленины, Бела Куны и Сталины, эти полусущества, порожденные болотными испарениями, эти выходцы из гробов, столь похожие на упырей, на изъятых из клинических банок заспиртованных недоносков, могли своей накопленной злобой изувечить весь мир, то ведь и мы, нынешние обитатели этих самых каморок, кое-что накопили за долгие годы тоски по утраченному отечеству. Многие из нас, посланных на бесплатное обучение в Европу и Америку, научились ценить потерянный рай, научились разбираться в остатках былого, сквозь дым и гарь большевицких кровавых деяний, сквозь ядовитый туман демократической слизи и хляби. Искупытельным страданием, таинством печали мы осветили и обессмертили великое российское прошлое.

Мировая история заранее, за долгие годы предредила, сделала неизбежным появление и торжественное шествие по земле всевозможных и бесчисленных чудищ от революции. Они спускались с пыльных чердаков, вылезали из затхлых подполий, покидали свои мертвые пристанища, свои тайные домины и, заражая смрадной пропагандой города и веси, отравляя, околдовывая души, сввергли их в беснование, чтобы вслед за тем вылущить из них все живое и навсегда погрузить их в мертвенное оцепенение. Но не забудем, что чудища и оборотни действовали коллективно, как и полагается служителям социализма, этим механически-сцепленным между собою автоматам. Мы же, российские изгнанники, объединенные живым страданием, мы, изгнанные правды ради, будем подвизаться соборно, и не во имя презренной, слишком человеческой, справедливости, не во имя лицемерного гуманизма, а во имя любви и веры и Христовой победы. Воскресный день настанет. Он близок. Вплотную подходит время решений и ответов. По-новому напрягаются слух и зрение и в порывах осеннего ветра, в его острой, холодной струе чуется бедному изгнаннику страшная, но желанная близость небывалого, невозможного, поистине пасхального торжества.

Пусть же растет и зреет в нас благословенная воля к воскрешению минувшего. В грозную годину мировых потрясений все мы должны из последней душевной глубины воззвать¹³ к российскому прошлому, изострить нашу память, вспомнить былую жизнь на Родине до самой малой, некогда виденной нами соломинки, до последней черты. И совершится небывалое – прильнет бесноватая страна к ногам Спасителя, расступится океан неповинной крови и выйдет из него обновленный в страданиях, навсегда нерушимый Китеж.

Скуем же в себе духовную скрепу, памятью вещи слова поэта:

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые*¹⁴.

7.

Грядущее возникает из незабвенного минувшего. Если нет памяти о прошлом, не осуществится и будущее, и все превратится в хаос, рухнет в извечную, довременную, безликую и безразличную стихию. Человеческая память движется и творит. И самое драгоценное в ней – это неиссякаемая воля к идеализации прошлого. В отличие от ожидаемых в будущем и воображаемых в настоящем идиллий, неизменно плоских и мертвых, идеализация минувшего служит залогом нашего собственного бессмертия. Идеализируя прошлое, память совершает отбор, очищает все бывшее, доподлинно героическое, от временного и обветшалого. Так, воскрешая предков, мы «не помня зла, воздаем им за благо»¹⁵ и оправдываем тем самым неистребимо живущую в нас надежду на собственное бессмертие. Идеализируя прошлое, мы любовно сливаемся с ним и как бы присваиваем его себе.

Духовные усилия поколений, переживших революцию, должны быть направлены к восстановлению оборванных традиций, к кропотливому благоговейному изучению великого прошлого. Страшное, во веки веков непоправимое злодеяние, называемое революцией, в зародыше своем было ведомо Библии. Кровавое осуществление в мире темных революционных страстей предreshилось в тот самый день, когда Хам надругался над Ноем и тем в сердце своем совершил отцеубийство. Грех революции – грех безликого коллективного хамства. Вот почему, пусть только частично, он может быть искуплен нашим общим, соборным стремлением воскресить минувшее, творчески ему подражая. Идеализируя предков, мы воссоздаем их первородный лик, данный им Богом при сотворении, и таким образом, как истые художники, подражаем уже не падшей природе, а самому Творцу. Человеческая память динамична: воссоздавая бывалое, она побуждает нас стремиться к небывалому; иными словами, она каждый миг призывает нас созидать настоящее и стремиться к будущему, опираясь на прошлое.

Давно уже сказано устами великого поэта: «Жизнь для волнения дана: жизнь и волнение – одно»¹⁶. Революция противоречит всему живому, она провал, остановка, забвение и небытие. Волнение, по видимости, сопутствующее революции, обманчиво; оно присуще не ей и не преданным ей палачам, а загнанным жертвам, еще сохраняющим в себе перед смертью погасающую искру жизни. Настоящий революционер лишь симулирует волнение, актерствует, театральничает, на самом же деле он невозмутим, холоден и рассудителен, он размеренно исполняет свой чуждый живым людям, гробный ритуал, поклоняясь и принося кровавые жертвы своему идолу. Душа революционера подобна допотопной окаменелости, и даже в его митинговой мимике в движениях есть мертвенная автоматичность.

Неукоснительная революционная механика впервые приводится в движение не палачами, а преступными писаниями кабинетных заговорщиков. Для того, чтобы выпустить из тюрем и сформировать полчища революционных убийц, нужна предварительная печатная пропаганда, долгая и сознательная работа над искажением всех понятий, жизненно создававшихся веками. Не сразу же и не по щучьему велению стали называть люди черное белым, племя нацией и Робеспьера святым апостолом.

Истинная живая жизнь развивается трагично, ибо только в трагедии есть доподлинное волнение и движение. Противоречия жизни, революция отвергает трагедию и потому прежде всего покушается на религию, на Голгофскую Жертву, завещавшую нам жить в огненном горении и принимать, наравне с радостью, страдания, нищету и муку, как путь, ведущий к абсолютному бытию. Вопреки революционной надписи над Иверской часовней, не упование на Бога, а революция – опиум для народа. Именно она принципиально погружает людей в застой и оцепенение. Отрицая жизнь, одурманивая человечество, она бросает лозунг: «Одним хлебом будет жив человек». Но великий, благословенный парадокс жизни, к счастью, показывает обратное, и Призывавший нас к Царству Небесному пятью хлебами насытил толпу, а революция не способна дать человеку даже сухой корки, оттого что наш хлеб насущный дается нам свыше, и отрицающий божественный источник питания лишается пищи.

8.

Если человек, желающий жить, бежит от хаоса в поисках государственного порядка и относится с отвращением к революции и ее деятелям, по духу своему внесловным интеллигентам, разночинцам и мещанам, то это вовсе не значит, что он любит так называемую правую реакцию и ее деятелей. Правда, правые все же немного лучше левых, поскольку в общезжитии беспросветная животность приемлемее насильственно осуществляемых злых и завистливых человеческих домьслов. Но все же из зоологии сносного государства не выкроишь и под ее началом не займешься плодотворно честным ремеслом. Духовную сущность имперского строя правые подменяют животной органичностью, искренне полагая, что для успешного управления государством достаточно обладать инстинктами сторожевого пса, пасущего стадо овец.

Ссылки правых на их преданность Церкви неубедительны: разложение Московии и закат Российской Империи, ясно обозначившийся к концу царствования Александра II, показали нам, как умеет правая реакция приносить к собственному житию-бытию величайшее религиозное откровение, обращать в бытовое исповедничество даже вселенское православие. Правые и левые одинаково подтачивают религиозную сущность человека: одни своею зоологичностью, другие – своею неорга-

ничностью, дурной абстрактностью, мертвой теоретичностью. Захватив власть, правые силятся обратиться к людям в животных, левые – в одержимых или же в безразличных ко всякой идее автоматы западно-европейского и североамериканского образца. Правая реакция пытается остановить волнение и движение бытия и подменить их неподвижностью и обманчивым покоем быта, а революционный прогресс, симулируя тревогу и стремление, кратчайшей дорогой ведет к небытию. Правые обожают бескрылые обычаи и принципы, левые же, быть может, сами того не зная, поклоняются нулю, свершают свой социалистический ритуал во славу ничтожества.

Большим заблуждением было бы думать, что творческая имперская идея находится в «золотой середине», между правым и левым. Нет, она инородна, инопланна им и обретается высоко над ними. Дальновидная мудрость московских князей и царей и российских императоров до Николая I включительно именно в том и состояла, чтобы бороться с правой и левой «общественностью», властным вмешательством пресекая ее двустороннее патологическое разрастание. Это, взятое нами в кавычки, будничное, серое слово особенно привилось и вошло в моду в нигилистические шестидесятые годы и уже тогда ничего путного не предвещало. Но российское имперское правительство потому и шло, как заметил Пушкин, впереди народа, что до поры до времени искусно пользовалось для созидательных целей смертоносными микробами правой и левой «общественности». Оно, как врач, дозировало яды и тем сохраняло равновесие государственного организма. Но имперские консервативность и прогрессивность не имеют ничего общего с правой реакцией и левым прогрессом, и прежде всего потому, что идут они сверху и осуществляются властью богопомазанной, тогда как всё правое и левое, возникающее в народной толще, в племенной утробе, способно только к застою и погрому. Российская государственность, с первых дней своего зарождения, основалась у горных церковных, ничем не замутненных истоков. Малейшее искажение вселенского православия всегда грозило ей падением и гибельными уклонами или вправо – в бытовое исповедничество, в первобытно-языческий фетишизм, или влево – в атеизм и прямое богоборчество. Русская и российская государственность держалась не на юридиксизме, не на законах и праве, а исключительно на религии. Потому стоило хотя немного замутнить истоки православия, чтобы тотчас же все полетело в пропасть. В прежние годы это лучше всех сознавал Константин Леонтьев, за сорок лет до революции видевший ее неизбежность и различавший все ее поистине проклятые фазы. Но лучше приведем полностью его пророческие слова:

«Либерализм, простертый еще немного дальше, довел бы нас до взрыва, и так называемая конституция была бы самым верным средством для произведения насильственного социалистического перево-

рота, для возбуждения бедного класса населения противу богатых, противу землевладельцев, банкиров и кушцов, для новой ужасной пугачевщины. Нужно удивляться только, как это могли некоторые даже и благонамеренные люди желать ограничения Царской власти в надежде на лучшее умиротворение России! Русский простолюдин сдерживается гораздо более своим духовным чувством к Особе Богопомазанного Государя и давней привычкой повиноваться Его слугам, чем какими-нибудь естественными свойствами своими или вовсе не воспитанным в нем историей уважением к отвлеченностям закона. Если бы Монархическая власть утратила бы свое безусловное значение и если бы народ понял, что теперь уже правит им не Сам Государь, а какими-то неизвестными путями набранные и для него ничего не значащие депутаты, то, может быть, скорее простолюдина всякой другой национальности, русский рабочий человек дошел бы до мысли о том, что нет больше никаких поводов повиноваться. Теперь он плачет об убитом Государе в церквах и находит свои слезы душеспасительными, а тогда о депутатах он не только плакать бы не стал, но потребовал бы для себя как можно больше земли и вообще собственности и как можно меньше податей. За свободу же печати и парламентских прений он не станет драться.

Народ наш понимает и любит власть больше, чем закон. Хороший «генерал» ему понятнее и даже приятнее хорошего параграфа устава. Конституция, ослабивши русскую власть, не успела бы в то же время внушить народу английскую любовь к законности. И народ наш прав! Только одна могучая Монархическая власть, ничем, кроме собственной совести, не стесняемая, освященная свыше религией, благословленная Церковью, только такая власть может найти практический выход из неразрешимой, по-видимому, современной задачи примирения капитала и труда»¹⁷.

Никто из современников Константина Леонтьева не видел с такой навязчивой, беспощадной ясностью, как он, грядущей русской революции во всех ее проявлениях и деталях. Незадолго до своей смерти, последовавшей в 1891 году, он пишет: «Церкви и монастыри еще не сейчас закроют: лет двадцать, я думаю, еще позволено будет законами русским помолиться»¹⁸. И добавляет к этому страшное пророчество, в наши дни, по видимости, столь близкое к осуществлению: «Русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути всесмещения и – кто знает? – подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель Новой Веры, – и мы неожиданно из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом бесцерковных, – родим антихриста»¹⁹.

Константин Леонтьев жил и развивался при трех императорах, или, вернее, при Императоре Николае I и Царях Александре II и Александре III. Возмужания, умственного и творческого расцвета

05/2010

Леонтьев достиг в годы царствования Александра II, среди духовно чуждых ему людей. С содроганием и отвращением наблюдал он на практике, как подготавливала революцию русская левая и в особенности правая «общественность».

Снижение имперской идеи в умах и сердцах людей, призванных править Россией, началось вскоре же после смерти Николая I-го. Возможность такого снижения подготавливалась давно в барских и разночинских кругах, славянофилами, либералами и нигилистами одинаково. Правительство Николая I-го совершенно сознательно, во имя имперской идеи, сдерживало натиск этих реакционно-революционных сил и, искусно пользуясь враждою разных народнических группировок, ослабляло, как могло, их зловерное влияние.

Реформы при Александре II-ом, сами по себе необходимые и государственно-разумные, проводились наспех и не так, как того требовала крайне сложная российская действительность. К тому времени наши народные герои, вековые, неистребимые Стеньки Разины и Пугачевы, успели непомерно расплодиться и, наскоро натянув на себя европейские пиджаки и сюртуки, при поддержке жаждущих самоистребления, распущенных московских бар, напирали снизу, угрожая прорвать и без того тонкий слой культуры, сиюсья растоптать духовное достояние нации.

В иных условиях, при иных соотношениях, снова намечалось старомосковское разложение, на этот раз несравнимо более опасное, питавшееся идеями французской революции, приведенными вдобавок в нелепую азиатскую систему.

*Публикация В.А. Сендерова
(«Вопросы философии» №10, 2006)*

Борис Тарасов

«Недоброй памяти время»

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ И ЕГО ЭПОХА В ИСТОРИИ РОССИИ

За последние несколько веков русской истории национальное достоинство народа и его религиозное сознание подверглись беспримерному унижению и почти полному уничтожению. Вестернизация России, безжалостное обрушение народного тела по «немецкому» инородному и иноверному образцу началось почти четыреста лет назад. Но оскорбленная народная гордость, и особенно современное консервативное сознание не всегда распрощаются со своей исторической памятью так далеко.

В этом смысле разрушительное действие советской эпохи слишком памятно, а постсоветская действительность слишком неутешительна по тем проявлениям, которые можно в изобилии наблюдать вокруг себя. Этого часто бывает достаточно, чтобы именно на *досоветскую* эпоху перенести страст-

¹ «Замело тебя, счастье, снегами...» Георгий Иванов. Собрание сочинений в трех томах. Том 1. М., 1994. С. 307.

² А.С. Пушкин. Из Пиндемонти («Недорого ценю я громкие права...»).

³ В действительности это слова из статьи Аполлона Григорьева «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859).

⁴ Ф.И. Тютчев. 29-е января 1837. – Ф.И. Тютчев. Лирика. Т. I. М., 1965. С. 88.

⁵ Е.А. Баратынский. Полн. собр. соч. СПб., 1894. С. 293.

⁶ Маркиз Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году. Т. I. – М., 2000. С. 246–247.

⁷ Употребление Г. Мейером термина «бытовое исповедничество» – элемент его скрытой полемики с постславянофилами-евразийцами: последние использовали этот термин в позитивном смысле, восхваляя обрядоверие как «проникновение религии в быт, одухотворение и упорядочение быта обрядом» (по этому поводу см., например, «Евразийство. Форумулировка 1927 г.»).

⁸ По поводу подобного эпизода см. также в книге: Ю.Ф. Самарин. Избранные произведения. М., 1996. С. 13–14.

⁹ «...если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Евангелие от Иоанна (12:24)).

¹⁰ 1 Кор. (15:44).

¹¹ Владислав Ходасевич. «Из дневника». (В сб. «Тяжелая лира»). М., 2000. С. 68.

¹² Ф.И. Тютчев. «Хоть я и свил гнездо в долине...» – Указ. соч. С. 183.

¹³ Ср. с: «Из глубины взываю к Тебе, Господи». Псалтирь (129:1).

¹⁴ Ф.И. Тютчев. «Цицерон». – Указ. соч. С. 36.

¹⁵ Ср. с: «Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек». Псалтирь (36:27).

¹⁶ Е.А. Баратынский. «Мудрецу». – Полное собрание сочинений. Т. I. СПб., 1914. С. 160.

¹⁷ К.Н. Леонтьев. «Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге» (1881) // Восток, Россия и славянство. М.: «Республика», 1996. С. 392.

¹⁸ К.Н. Леонтьев. Частное письмо. Цит. в кн.: Н. Бердяев. Константин Леонтьев. YMCA-Press. Paris, 1926. С. 206.

¹⁹ К.Н. Леонтьев. Над могилой Пазухина // Восток, Россия и славянство. М.: «Республика», 1996. С. 684.

ные, но наивные чаяния о существовании хотя бы там идеального национального государства.

Так появляются мифы. Среди них почетное место принадлежит «николаевскому» мифу о великом русском православном императоре, «рыцаре самодержавия», защитнике «традиции» и духовном вдохновителе освобождения крестьян.

Данная проблема почти исключительно психологического свойства. Достаточно обрести в себе смелость объективно посмотреть на давно известные факты – без всякого сомнения, они заставят отвергнуть прежние заблуждения как духовное помрачение.

Еще авторы середины XIX столетия обращали внимание на то, что «российская империя» не только не является законной преемницей «московского

царства», но прямо противоположна и враждебна ему по социальному и духовному содержанию. Российские императоры не могут считаться наследниками старомосковских царей не только по более чем сомнительному кровному происхождению от них, но прежде всего по самому характеру политического происхождения и смыслу своей власти.

До конца XVII века государство и царь были как бы равновелики. Каждая из сторон имела свои права и обязанности. Со времени Петра императоры подменили собой государство. Отождествили себя и государство. С ненасытной жадностью присвоили себе все права и освободились от любых обязанностей.

Такая беспримерная узурпация и абсолютизация власти объяснима тем, что, как правило, российские императоры приходили к власти прямо незаконными или сомнительными путями, часто при поддержке военной силы, подобно солдатским императорам Рима. Главной заботой таких правителей было отблагодарить своих доморожденных «легионеров» – дворянскую гвардию, на плечах которой они достигали трона.

Так возрастает значение дворянства. Но одновременно меняется и его социальная роль. Дворянство из профессионального войска, охранявшего государство, превращается в охранный корпус особы императора.

Николай Павлович так и заявил в речи к дворянству в 1848 году: «Вы моя полиция, каждый из вас мой управляющий и должен доводить до моего сведения все дурные действия, какие он заметит».

Дворянство и императорская династия составили собой нечто вроде касты завоевателей в чужой покоренной стране. И одежда, и язык, и образ жизни – все явно и непримиримо отличало «благородное шляхетство» от «подлых рабов». Правда, своими социальными преимуществами российская

шляхта бесстыдно пользовалась за счет своих порабожденных единоверных соплеменников и под покровительством государства, которое обмануло и обездолило собственный народ.

Традиционное именование российского императора «царем-батюшкой» – результат недоразумения и усилий официальной пропаганды. Это наименование предполагает надсословное положение носителя верховной власти, чего, конечно же, не было в действительности.

О какой надсословности и социальной объективности можно говорить, если императоры неоднократно и недвусмысленно заявляли о своей личной принадлежности именно к дворянскому сословию? Достаточно вспомнить «казанскую помещицу» Екатерину Вторую и утверждение Николая, что он лишь «первый дворянин» в своем государстве.

На самом деле эти венценосные «матушки» и «батюшки» были первыми, выдающимися крепостниками. По указу Павла Первого на содержание членов императорской династии было определено три с половиной миллиона крестьянских «душ» обоего пола.

К эпохе правления Николая Павловича крепостное право стало главным по своей остроте государственным вопросом. В крепостной зависимости от помещиков находилась половина населения империи. На остальную, формально не порабоженную половину, крепостное право оказывало свое развращающее влияние. Таким образом, в действительности за вопросом о крепостном праве стояла гораздо более серьезная проблема – положение русского народа в российском государстве.

Это положение с военной прямотой охарактеризовал граф Бенкендорф. В секретном докладе императору Николаю за 1827 год он писал: «Крепостные хорошо знают, что во всей России только народ-победитель, русские крестьяне, находятся в состоянии рабства; все остальные: финны, татары, эсты, латыши, мордва, чуваша и т. д. – свободны».

Нередко указывают на обилие законов, изданных или только сочиненных в николаевское правление, предназначенных для облегчения участи крепостных. Как правило, при упоминании этой законотворческой деятельности вспоминают и о романтическом эпизоде, когда император, указав графу Киселеву на полки, уставленные увесистыми коробками, признался, что там собраны документы, с которыми он рассчитывает «начать процесс против рабства». Из околоисторических баек подобного рода и утверждение о том, что Николай на смертном одре слабым голосом якобы потребовал от своего наследника обещания освободить крестьян.

В правление Николая действительно было издано более ста постановлений о крепостных крестьянах: «Они как будто исходили из мысли постепенно ограничить крепостное право, но или оставались без действия, или даже укрепляли существующее положение дела» – отмечал В.О. Ключевский.

05/2010

А вот сходное суждение современника: «Николай хотел ограничить продажу людей и, желая сделать добро, сделал вред; такова обычная судьба полумер... Запрещая дворянам, не имеющим земли, покупать крестьян, запрещая до известной степени раздробление семейств, он признал тем самым право продажи в других случаях и дал законную основу терпимому беспорядку».

Зато в 1852 году появляется высочайше одобренная инструкция для учебных заведений, в которой прямо предписывалось внушать учащимся с примерами из Священного Писания, что крепостное право следует беречь как божественное учреждение, как одну из Божиих заповедей.

Впрочем, император Николай Павлович был склонен и к решительным благородным поступкам. Узнав об угнетении негров в американских штатах, он вознегодовал и объявил, что отныне всякий чернокожий раб, ступивший на российскую землю, станет свободным! Герцен недоумевал: «Зачем русских крепостных угораздило родиться такими же белыми, как и их господа? Отчего же надобно непременно быть черным, чтобы быть человеком в глазах белого царя?!»

Можно удивляться или сожалеть, но в современной России почти никто не знает, что представляло собой крепостное право на самом деле. Это произошло оттого, что в правде о «белом рабстве» не был заинтересован ни один из правивших в России режимов – ни романовский, ни советский, ни постсоветский. Правда о крепостничестве подрубает все величественное здание государственного патриотизма. Екатерина Вторая абсолютно верно определила опасность для власти, исходящую от того, кто пытается снять завесу тайны с этого национального позора: «бунтовщик хуже Пугачева».

Крепостная действительность так чудовищна, что неподготовленный человек, столкнувшись с ее фактами, может просто не поверить, что все это не плод чьего-то извращенного воображения, а реальная история его родины и происходило в «православной» стране, да еще практически в середине XIX века! Что преступления вроде тех, что совершила помещица Салтыкова, были не исключением, а как раз правилом, в некотором роде обыденным явлением.

Да и само дело «салтычихи» получило огласку совершенно случайно. Правительство было прекрасно осведомлено о многочисленных бесчинствах дворян над своими крепостными. На горизонте маячила пугачевщина. В профилактических целях для отрезвления помещиков делу дали ход. Салтыковой просто не повезло. На ее месте у позорного столба могли заслуженно оказаться тысячи дворян. Но не оказались. И об их судьбе пришлось позаботиться казакам Пугачева.

Ко времени Николая Первого мало что изменилось. С начала XIX века появился ряд законов, формально ограничивавших тот дикий произвол, который процветал в помещичьих имениях. Одна-

ко предприимчивые душевладельцы при откровенном попустительстве власти эти законы легко обходили.

Распространено мнение об эпохе Николая Первого как времени торжества консервативных ценностей, и популярен взгляд на николаевскую Россию – как на форпост консерватизма в богорборческом мире, одержимом революционными идеями.

На первый взгляд это действительно так. Известно, например, что император Николай однажды, в 1848 году, узнав о свержении французского короля, прервал веселый придворный бал громовым криком: «В Париже революция! Седлайте коней!» Страшно подумать, сколько инфарктов произошло в тот вечер, но очевидно, что так эмоционально мог поступить только человек, искренне преданный идеалам интернациональной взаимопомощи монархов всех стран.

«Православие, Самодержавие, Народность» – вот та утешительная гавань, к которой стремится воображение современных консерваторов.

В действительности самодержавное правление Николая не было ни православно, ни народно.

Профессор Казанского университета Эрдман искренне восхищался: «Сколько тысяч одноземцев наших поселилось только в Петербурге и в Москве!.. Где страна, которая собирала бы в недрах своих столько чужестранцев? Где земля, которая бы даровала им столько привилегий? Дарования и честность открывают иностранцу обширное поприще ибо он свободен со всеми своими потомками... Я мог бы назвать многих, которые управляют величайшими губерниями».

Вообще говоря, трудно заподозрить в чувстве «народности» императора, при котором десятки миллионов собственных подданных находились в рабстве, а любой иноземец получал почти неограниченные возможности для карьеры.

Следующий отрывок из секретного донесения на имя императора Николая не оставляет возможности видеть в этом монархе непримиримого и последовательного борца с крепостничеством: «Главным предметом рассуждений во всех обществах была непонятная уверенность, что Вашему величеству непременно угодно дать полную свободу крепостным людям. Осчастливленный доверенностью Вашего величества и зная истинные намерения Ваши, я лично старался быть оплотом против распространения подобного мнения...»

«Палка стала при Николае Павловиче главным орудием русской культуры – вспоминал барон Н.Е. Врангель. – Розгами драли на конюшнях, в учебных заведениях, в казармах – везде. Кнутом и плетью били на торговых площадях, “через зеленую улицу”, т.е. “шпицрутенами”, палками “гоняли” на плацах и манежах. И ударов давалось до двенадцати тысяч...»

Об этом нельзя забывать, говоря о «православности» и «русскости» Николая – ведь смертельные

удары тысячами ложились на русские православные спины.

Но об этом не хотят помнить и не желают знать! Многие современные «государственники» в эпоху Николая помещают свою консервативную утопию. Вопреки этим фантазиям посетивший реальную николаевскую Россию наблюдательный человек, маркиз де Кюстин, сначала удивился увиденному: «Я невольно спрашивал себя, чем так жестоко провинился человек перед Господом Богом, что 60 миллионов ему подобных обречены на жизнь в России?» А потом сделал уверенный вывод: «И не пройдет 50 лет, как... в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия которой Западная Европа чувствует еще до сих пор».

Кюстин ошибся всего на несколько лет.

А вот степень христианского благочестия императора лучше всего характеризует замечание о нем К. Леонтьева: «Николай *даже иногда* молился перед сном...»

Синод возглавлял бесценно с 1836 года граф А.Н. Протасов. Этот замечательный человек еще за год до того, как принять на свои плечи груз ответственности за православную русскую церковь, успешно служил в кавалерии. Опыт гвардейского офицера, конечно, пригодился ему в отправлении должности обер-прокурора при таком бравом монархе, как Николай. Глава Синода тоже, наверное, «иногда молился» перед сном. И уже одно это может служить безусловным примером в его пользу, потому что абсолютное большинство тех, кто окружал императора, не молились вовсе.

Одновременно покровительство православного императора католикам носило столь явный характер, что вызывало смущение и даже протесты синодских архиереев, обычно смиренных и послушных! Было чему удивляться – достаточно вспомнить об учреждении католической Херсонской епархии с епископом и целым штатом ксендзов – и все это на счет казны.

Уже упоминавшийся профессор Эрдман писал: «Магометанские и языческие народы пользуются одинаковою свободою в исполнении священных обрядов своих... В главной улице Санкт-Петербурга открыты церкви различных наций. Здесь немец, швейцарец, француз, англичанин, швед, армянин беспрепятственно идут в свои храмы».

Трогательное описание практически беспредельной веротерпимости правительства Николая Павловича омрачает отчет императорского чиновника П.И. Мельникова: «Многие сотни молитвенных зданий были уничтожены; десятки тысяч икон, сего древнего достояния прадедов, были отобраны...»

Против кого же обращено столь жестокое преследование? Конечно – против русских православных людей. Ну не против же язычников, в самом деле, воздвигать религиозное гонение в государстве «народного» и «православного» императора!

Да. Одним из главных подвигов «самодержавного рыцаря» Николая было неукротимое преследование староверов. Тех самых, о ком сегодня не знает в России почти никто и которых в императорской России насчитывались многие миллионы – до трети всего русского населения империи. Коротко сказать, вина этих людей состояла в том, что они сомневались в способности благочестивого кавалериста графа Протасова заменить собой в руководстве Церковью соборно избранного Патриарха...

Но синодское, или «казенное», как называли его староверы, православие было одним из главных инструментов для укрепления крепостных рабов в послушании своим господам. Любое сомнение в каноничности этого «казенного православия», само право на сомнение являлось недопустимым проявлением свободомыслия, покушением на законность существования всего крепостнического режима. И потому одному уже подлежало безжалостному искоренению.

Не случайно «высочайшее» дарование свободы вероисповедания в России в 1905 году почти совпадает с концом романовского самодержавия. Потому что оно было не проявлением доброй воли, а свидетельством объективной слабости режима, приближающегося к своему концу. Точно так же, как освобождение крестьян наследником императора Николая – Александром Вторым – было не его личной инициативой как справедливого и мудрого государственного деятеля, не было и осуществлением мифического «завещания» Николая.

В.О. Ключевский писал о действительных обстоятельствах отмены крепостного права: «Разрешение вопроса стало не делом политической мудрости, зависящей от лиц, а требованием стихийных влияний, которые бы разрешили его во всяком случае, даже вопреки воле лиц».

Должно быть, навсегда так и останется секретом, что же хранилось в коробках, показанных императором графу Киселеву. Но чего там не было точно – так это материалов, способных помочь в практической деятельности по освобождению крестьян. Собранный в спешке в 1857 году секретный Комитет по крепостным делам столкнулся с тем, что к началу его работы, т. е. за все правление Николая, практически не было собрано никаких конкретных сведений о ситуации в этом вопросе. Не были определены хотя бы в общих чертах даже сами принципы, юридические и экономические, с помощью которых должна была решиться, наконец, одна из главнейших проблем российской истории.

Императорский период истории России был временем отступления от древних канонов Православия, эпохой порабощения народа и торжества социальной несправедливости. В защиту императора Николая можно сказать только, что он жил в конкретных исторических обстоятельствах, не им созданных, преодоление которых находилось не в его власти и не в его способностях.

Он всего лишь посредственно правил государством, не имевшим будущего.

Люди, посвятившие подчас многие годы своей жизни изучению эпохи императора Николая Павловича, никак не могут разглядеть того, что увидел французский путешественник де Кюстин за несколько месяцев. Николаю ставят в заслугу непримири-

мую борьбу с Революцией, совершенно не замечая очевидного: что сама страшная российская революция состоялась, в том числе, благодаря деятельности именно этого правителя, а также многих его предшественников и потомков до Николая Второго включительно.

Андрей Пуговкин

Горькие уроки «славного прошлого»

Замысел статьи возник в немецком Ахене – городе Карла Великого, на выставке «История имперской идеи». После осмотра подлинных реликвий Каролингов, Штауфенов, Габсбургов и Гогенцоллернов посетитель оказывался перед двумя неказистыми стендами. На одном висело полдюжины фотографий Гитлера и его сподвижников, на другом – подборка карикатур на ту же самую компанию.

Кустарные постеры с ахенской выставки были немецким аналогом современной политики реконструкции «гарантированной» и «позитивной» истории России. Публицисты, режиссеры, чиновники и даже духовники государственных деятелей считают, что так они консолидируют общество и укрепляют единство страны. Достаточно на свежую голову оглядеться по сторонам, чтобы убедиться, до какой степени они заблуждаются.

Например, во Франции государство поощряет «позитивный» героический миф о революции 1789 года и наполеоновских войнах. Но, посмотрев шестичасовой фильм «Французская революция», выпущенный к двухсотлетию событий, зрителю впору удивиться, что же, собственно, празднует эта страна в день взятия Бастилии? События 1789–1794 годов показаны в сериале как бессмысленный кровавый кошмар, а Максимилиан Робеспьер и другие якобинцы – как психически неадекватные, свихнувшиеся на массовом терроре неврастеники. Экранная версия картины не имела успеха в прокате, несмотря на профессиональную режиссуру и сильный состав актёров. Социологические опросы показали, что дело не в качестве кино и не в исторических трактовках, а в том, что французы испытывают отвращение к теме революции как таковой.

По той же причине турист в Париже не обнаружит даже возле гробницы в Доме инвалидов заметных проявлений народной любви к Наполеону Бонапарту. Документально точный сериал «Наполеон» с участием мировых звёзд, огромным бюджетом и премией «Эмми» на родине великого императора сенсацией тоже не стал. При этом никто не может упрекнуть французов в отсутствии патриотизма. Чтобы объединиться в отторжении кровавых страниц собственной истории, им понадобилось почти весь XIX век истреблять друг друга в гражданских конфликтах. Этот печальный опыт оказался сильнее государственного официоза с историческими кинофильмами, праздничными салютами и военными парадами. Для сравнения заметим, что красиво снятый фильм о революции 1917

года и последующей Гражданской войне в сегодняшней России имеет все шансы стать бестселлером.

Якобинский террор во Франции длился около двух лет. Даже если не считать относительно «вегетарианских» хрущёвского и брежневского периодов, коммунистический режим в СССР проводил откровенно террористическую внутреннюю политику более четырёх десятилетий. Это не могло не повлиять на самые глубины общественного менталитета. Неудивительно, что названия улиц и площадей Марата или Робеспьера до сих пор украшают карты российских городов, и это никого не удивляет и не возмущает.

Чему учит история

В конце V века рухнула Западная Римская империя. Она настолько себя изжила, что, как писал немецкий историк XIX в. О. Иегер, «это событие в глазах современного римского населения Италии не имело никакого значения и ничем особенным не бросалось в глаза». На бывшей территории империи возникло несколько новых государств, где установилась нормальная по тем временам жизнь. Но не прошло и полстолетия, как в Италию прибыла экспедиционная армия Восточной Римской империи. Она явилась, чтобы «вернуть единство государства», «восстановить твёрдую власть» и даже «поднять Италию с колен» (все эти пассажи можно найти в исторических документах). Разумеется, ничего они не вернули и не восстановили, зато спровоцировали войну, голод и эпидемии, сократившие население «Вечного города» в 20 (!) раз. Тем не менее историки обоснованно считают константинопольских наместников в Италии Велизария и Нарсеса выдающимися полководцами и государственными деятелями. Простые итальянцы за полторы тысячи лет этих «собирателей земель» тоже не забыли, до сих пор проклинают, а их именами – пугают детей. Даже Бенито Муссолини старался лишней раз не упоминать этих незадачливых реваншистов. А вот Адольфом Гитлером двигал похожий

Фотографии, сделанные в Петербурге в феврале 2010 года во время празднования годовщины снятия блокады

комплекс имперской неполноценности. Чем это обернулось для Германии, хорошо известно.

Строго говоря, родиной Гитлера была не Германия, а Австрия. Наряду (прости Господи!) с Моцартом он, несомненно, является самым знаменитым австрийцем в истории. Недавно там, на выборах, победили правые, которых местные социал-демократы в листовках запальчиво обзывали «неонацистами». Когда на бал этих победителей в венской ратуше некий шутник явился в гриме фюрера, «правые радикалы» сначала набили провокатору физиономию, а потом сдали его в полицию. Поклонник Гитлера был оштрафован на крупную сумму за пропаганду нацизма. Газеты мира обошла история журналистки из «Немецкой волны», которая в эфире одобрительно высказалась об охране материнства в III Рейхе. Её уволили в тот же день. Не за то, что она сказала неправду, а за то, что сказала только часть правды: материнство одних охраняло государство, а других при этом вместе с детьми отправляли в газовые камеры, подобно тому, как в сталинском СССР одних детей бесплатно отправляли отдыхать в «Артек», а других – расстреливали по достижении двенадцатилетнего возраста.

В соответствии с установившейся традицией в современной Германии хвалить гитлеровский режим принципиально не принято. Упомянутые в начале статьи выставочные стенды в Ахене были «слепыми», без какого-либо текста. Именно стыд за собственную историю, решимость безразлично отмахиваться от неё вернули немцам и австрийцам чувство национального достоинства после проигранных мировых войн. Победители помогли им выработать это чувство в процессе денацификации. Увы, в России даже после банкротства советской импе-

рии далеко не всем приходят в голову подобные чувства в связи с коллективизацией, пактом «Молотов-Риббентроп» или ялтинским разделом мира.

Когда разнёсся слух о том, что в агитационных материалах по случаю 65-летия окончания II Мировой войны могут быть использованы изображения Сталина, некоторые публицисты возликовали: мол, наконец-то в России перестали бояться истории! Бояться её действительно не следует. Просто нужно всему знать цену и не всякое прошлое собственной страны признавать за своё лично. А безответственно поощряемое властями пренебрежение историческими уроками чревато их повторением ценой новых и новых жертв. Страшно представить, сколько бед могут накликать на Россию нынешние законно избранные «государственники».

Европа бесконечно дорожит выстраданным её народами пониманием того, что высшими ценностями являются не государственные интересы, а взятые по отдельности человеческие жизни. Способ нормального существования видится гражданам демократических стран в невосприимчивости к оборонному сознанию и имперской идеологии. Ради этого возникли Европейский Союз, Совет Европы и ОБСЕ. Такое гражданское согласие невозможно ввести административным путём. Оно возникает только в результате постепенного взросления общества или его направленного, иногда принудительного, лечения после тяжёлой болезни тоталитаризма.

Тонкости перевода

В России исторические аллюзии чаще всего используются как доводы в современных политических спорах. Примером является навязчивый

05/2010

интерес наших публицистов и политологов к истории Византии. Не к религиозной или светской философии, не к изобразительному искусству и архитектуре, а именно политической истории Восточно-Римской империи. Эта история представляла собой тысячелетнюю череду судорожных попыток вернуть уходящее военно-политическое могущество. Глупо рассматривать бесчисленные отцеубийства, сыноубийства, отравления, оскпления, равно как и прочие дикие жестокости этой истории с позиций теории естественного права. Но когда обычаи такого государства предлагаются современному российскому телезрителю в фильме «Гибель империи» 71 минуту подряд как морально-этический образец, возникают вопросы не к изготовителям, а к заказчикам подобной продукции. Возможно, в сегодняшней России, кому-то, как и авторам фильма, духовно близок воспетый в нём император Василий II «Болгаробойца», ослепивший в один присест 14 тысяч пленников-болгар. К исторической науке и даже к современной политике проблемы таких людей отношения не имеют.

Аналогично можно понимать и споры о влиянии господства Золотой Орды на последующую историю России. Одна сторона отстаивает принятую ещё со времён Н. Карамзина версию о пагубных последствиях татаро-монгольского ига. Другая со ссылками на работы Л. Гумилева настаивает на благотворной роли Орды в централизации русского государства и усилении Московского княжества. Ордынское влияние отрицать глупо – достаточно сравнить русское вооружение до- и после-монгольского периодов, или взглянуть на купола собора Василия Блаженного. Это, кстати, не мешает архитектуре соседнего Московского Кремля органично воплощать стилистику итальянского Возрождения. Исторические и философские дискуссии на данную тему выдохлись ещё сто лет назад, во времена сборника «Вехи». Современный спор в действительности идёт о том, что кому сегодня милее: восходящее к античности уважение гражданских прав и личности их обладателя, унаследованное от европейского Средневековья восприятие государства как союза свободных общинников, каждый из которых связан с властью только личным договором, или восточный авторитаризм, коллективная ответственность и раболепное почитание власти.

Дискуссии, подобные описанной выше, хорошо вести в удобной обстановке, сидя на диване. Но что делать, когда массовый террор и создание системы рабского труда в ГУЛАГе современная концепция школьного курса истории под редакцией профессора А. Данилова, рекомендованная Минобрнауки РФ, рассматривает как пример эффективного управления страной? В упомянутой концепции про «Большой террор» говорится буквально следующее: «...важно показать, что Сталин в конкретно-исторической ситуации действовал (как управленец) вполне рационально – как охранитель системы, как

последовательный сторонник преобразования страны в индустриальное общество, управляемое из единого центра, как лидер страны, которой в самом ближайшем будущем угрожает большая война. Но весьма скоро “большой террор” приобрёл уже совершенно иное качество и предназначение. С приходом к руководству НКВД Л.П. Берия террор, пусть и не в прежних масштабах, но был поставлен на службу задачам индустриального развития: по разнарядкам НКВД обеспечивались плановые аресты инженеров и специалистов, необходимых для решения оборонных и иных задач на Дальнем Востоке, в Сибири. Террор превращался в прагматичный инструмент решения народнохозяйственных задач»*.

Современные российские военнослужащие рассказывают, как в процессе «воспитательной работы», в том числе в условиях боевых действий на Кавказе, им вдалбливают в головы стандартную и явно не случайную формулировку: Сталин действительно проводил массовый террор и выселял на массовую гибель целые народы, «но в то время иначе было нельзя». Почему нельзя, и хорошо ли это, никогда не уточняется. Зато на некоторых действует испытанный ещё во времена доктора Йозефа Геббельса и прокурора Андрея Вышинского приём: любая ложь, тупо повторенная много раз, становится чем-то похожей на правду. Здесь вопросы в пору адресовать не авторам концепции и созданной на её основе учебной литературы, не армейским политработникам или как там они теперь называются, а правоохранительным органам. Подобные педагогические «новации» являются прямой пропагандой государственных преступлений, осуждённых на серии судебных процессов середины 1950-х годов, чьих приговоров ещё никто не отменял.

Многознание умножает скорбь

В злополучной школьной «Концепции» использован циничный пропагандистский приём – попытка придать общественному обсуждению «деликатных» исторических проблем «объективный» псевдо-академический характер. В этом случае происходит сознательная подмена понятий. Предмет научных исследований – изучение событий в контексте исторического процесса. Этой работой занимаются специально подготовленные люди, владеющие научной методологией. В соответствии с ней поведение исторических лиц следует оценивать с учётом современных им, а не нам

* Попытка внедрения в школу сталинистского учебника по истории была предпринята, но поднялась волна возмущения, и в варианте, который действительно дошёл до школ, просталинистские пассажи изъяты. Конечно, не мог не уцелеть дух, но это уже более тонкие материи. Хочется обратить внимание читателей, что в статье цитируется не учебник, а одобренная министерством концепция, на основе которой он был написан. Она тоже является нормативным документом, и она осталась без изменений. – *Прим. редактора.*

с вами этических и нравственных норм. История, как объект научного изучения, является безальтернативной – такой, какой она фактически была. Результатами исследований становятся научные статьи, диссертации, учебники и монографии. Характерные для советской исторической школы ещё со времён М. Покровского «классовый подход» и политическая ангажированность снижали уровень профессионализма и наносили очевидный вред.

Но научный анализ не заменяет моральной оценки. В истории действовали не деревянные куклы, а живые люди. Современные жители любой страны должны иметь возможность сформировать собственное, непрофессиональное мнение об её прошлом. Бессмысленно подвергать сомнению право людей на моральную оценку достоверно установленных исторических событий и их участников. В данном случае можно и нужно рассматривать упущенные альтернативные возможности. Для подобных оценок существует историческая публицистика – разновидность политической литературы. Общественное мнение о событиях прошлого представляет собой «суд потомков» в самом прямом и точном значении слов.

Например, историки практически по минутам установили последовательность событий в Петрограде 24–25 октября 1917 года. При этом одни наши соотечественники считают данные события Великой октябрьской социалистической революцией, а другие – государственным переворотом, совершённым во время войны с финансовой помощью противника. Такие разногласия существовали всегда, несмотря на то, что одна из точек зрения в течение 70 лет считалась официальной и обязательной. Для её насаждения был выбран, казалось бы, беспроблемный способ: истребление непосредственных свидетелей. Когда в 1967 году помпезно отмечался юбилей октябрьского переворота, торжества проходили при почти полном отсутствии живых участников событий. Для сравнения можно вспомнить 1995 год и колонны вполне сохранных на тот момент ветеранов несравнимо более кровопролитной войны с Германией.

Тем не менее, реконструированные учёными фактические обстоятельства захвата власти большевиками споров почти не вызывают. Причиной разногласий являются не сами исторические события осени 1917 г., а вызванный ими политический раскол, который до сих пор раздирает российское общество. Большевики за 70 лет правления так и не выполнили свои программные лозунги «Мир – народам, земля – крестьянам, фабрики – рабочим». Значительная часть населения всегда считала эти лозунги дешёвой демагогией, а другая и сейчас готова взяться за их осуществление. Точно так же, обострившиеся в последнее время дискуссии на тему пакта «Молотов-Риббентроп» и ответственности за развязывание Второй мировой войны отражают не научные разногласия,

а всё те же противоречия в отношении к советскому периоду в целом.

В США вот уже вторую сотню лет историю своей гражданской войны преподают совершенно по-разному в школах северных и южных штатов. Но там с самого окончания войны никому не приходило в голову тащить эти разногласия в текущую политику. Симптомом глубочайшего политического нездоровья нашей страны является то, что личное отношение каждого гражданина к коллективизации, «большому террору» или сталинским депортациям целых народов, до сих пор ещё остаётся предметом политического самоопределения. Сравнимые по численности группы россиян дают несовместимые ответы на ключевые вопросы отечественной государственности: являлся ли СССР преемником исторической России и должна ли современная Российская Федерация считать себя историческим преемником СССР?

В жизни любой страны бывают позорные страницы. В Германии общепризнано, что такой страницей является Холокост. Во Франции и Великобритании такой страницей считается «мюнхенский сговор» с Гитлером, а в США – поражение во вьетнамской войне. Относительно этих событий в государствах, которых они коснулись, имеется более или менее устойчивый общественный консенсус. А вот политически дезориентированным, в массе своей плохо знающим прошлое россиянам пытаются привить гордость за всю, без разбора, отечественную историю. Это приводит к нелепостям вроде той, которую можно было наблюдать в Санкт-Петербурге на очередном праздновании годовщины снятия блокады: по всему городу были попарно развешаны флаги – государственный российский триколор и красный флаг СССР с серпом, молотом и пятиконечной звездой. Последний служил муляжом знамени, водружённого на куполе рейхстага в мае 1945 года, что должна была подтверждать мелкая и неразборчивая надпись на полотнище.

Не подлежит сомнению, что в современной России достаточно сторонников и той, и другой символики. Но «братское» соседство обоих знамён на соседних флажштоках не объединяет, а оскорбляет и тех, и других. Апофеозом дурновкусия стала задача российским президентом советских орденов в Кремле под двуглавыми орлами на приёме по случаю кое-как переименованного дня Советской Армии. Этот политический абсурдизм шокировал даже некоторых приближённых к власти пропагандистов. Те предложили, ради сохранения лица, впредь связывать торжества не с основанием Красной Армии, не со сдачей немцам Нарвы пережившимися красными матросами в 1918 году, а... с началом героического корниловского Ледяного похода.

Реальная, а не мифическая история любой страны не может быть «позитивной» и «гарантированной». Более всего это относится к истории Российского государства в XX веке. И поэтому не стоит трусливо уклоняться от вопроса: кто же всё-таки

05/2010

был прав в Гражданской войне 1917–1922 годов: защитники исторически сложившихся общественных отношений или дорвавшиеся до власти политические авантюристы? И ещё: не было ли поражение СССР в «холодной» (а на самом деле – III Мировой) войне благом для России и заслуженным историческим возмездием за несправедливые победы со-

ветского режима, возмездием не менее справедливым, чем крах гитлеровской Германии? События прошлого должны быть горьким и тяжёлым уроком, а народная память о них – постепенно формироваться на основе естественных представлений о добре и зле, без помощи наёмных пропагандистов и политических технологов.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Игорь Шауб

«Твой выстрел был подобен Этне...»

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ В. МАЯКОВСКОГО

Я ни одной строкой не могу существовать при другой власти, кроме советской власти. Если вдруг история повернется вспять, от меня не останется ни строчки, меня сожгут дотла.

В. Маяковский

Маяковский есть и останется лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи, и равнодушные к его памяти и к его произведениям является преступлением.

И. Сталин

Маяковский останется в истории литературы большевицких лет как самый низкий, самый циничный и вредный слуга советского людоедства...

И. Бунин

Утром 14 апреля 1930 года в квартире Владимира Маяковского прозвучал выстрел. Тотчас возвратившаяся туда Вероника Полонская застала его еще живым...

Первыми прибыли чекисты – с Лубянки на Лубянку. Был понедельник. Брики приехали во вторник. На четверг назначили похороны. Маяковскому по чину полагался оружейный лафет, но ввиду самоубийства его посмертно понизили и выдали простой грузовик. В. Татлин обил его железом, М. Кольцов сидел за рулем. Все речи были о «разных Маяковских». Один был великий поэт революции, оптимист и неустрашимый боец, другой – слабый больной человек, подменивший первого. Демьян Бедный написал в газете: «Чего ему не хватало?» Все были по-своему правы.

И все же, почему человек, смертельно страшившийся смерти, громогласно провозглашавший своей религией продление-возобновление жизни, пустил себе пулю в сердце?

Искренняя и страстная, но столь же метафизичная М. Цветаева закричала о самосуде, о суде поэта над собой как единственно возможном суде над поэтом. Позднее этот возглас почти дословно повторил Б. Пастернак (цитата из этого стихотворения вынесена в заглавие данной статьи).

В. Ходасевич, непримиримый враг футуризма («парнасского большевизма») и Маяковского («поэт подонков», «духовных босяков», «недавний динамитчик, ставший сторожем при лабазе», «советский буржуй»), предсказавший еще в 1927 году его смерть («Лошадиной поступью прошел он по русской литературе и ныне стоит уже при конце своего пути. Пятнадцать лет – лошадиный век»), не был услышан. Победила романтическая версия, согласно которой великий поэт, целиком и навек отдавшийся власти, всегда ощущавший полное с ней совпадение – в стиле речи и стиле жизни, в дальней цели и сегодняшней пользе, в подходе к событиям и методе действий (вариант: никогда не согласный полностью, всегда метавшийся между искренней лирикой и вынужденной службой текущей политике), – этот человек вдруг видит, что все не то. Что не то? Все. К примеру, нет свободы печати и слова, не соблюдаются права человека. И выходит, что он жестоко ошибся, что вся его жизнь и вся работа – насмарку и, более того, он причастен и значит, повинен. И ему просто ничего не остается, как, раскаявшись, произнести себе приговор...

Эта легенда – прекрасный пример столь характерных для либеральной интеллигенции отвлеченных умозрительных построений, проекции на чуждый объект собственных жизненных установок.

Маяковский не мог разочароваться в окружавшей его советской действительности, поскольку сам был неотделим от нее, ее отношений, круга ее интересов, ее языка.

Параллель между Маяковским и Есениным, выводимая многими западными русистами из основной «покаянной» легенды, служит лучшим ее опровержением. В случае Есенина было «большое, подлинное мучение души заблудшей, исковерканной, но в глубине – благородной, чистой и поэтической. Ни благородства, ни чистоты, ни поэзии нет во всем облике Маяковского. Есенин умер с ненавистью к обманщикам и мучителям России – Маяковский, расшаркавшись, пожелал им «счастливого оставаться», – писал Ходасевич. Мнение о благородстве Есенина оставим на совести Владислава Фелициановича. Но как бы ни относиться к Есенину, он, безусловно, был живым человеком, Маяковский же – персонажем inferнальным, или, говоря мягче, «всегда был схемой, на любых взлетах оставался конструкцией. И наличие руководящей догмы эту конструкцию только усиливало, сообщало ей необходимую жесткость. Это был ее главный внутренний стержень, негнувшийся позвоночник души...

Совесть, а тем более муки совести вообще не входили в эту систему, раскаяние было чуждым, инопланетным понятием. То есть слово такое уже начинало звучать, но означало оно не душевную муку, а признание своей вины перед властью и в прессе сопровождалось словами «лицемерное» и «чистосердечное».

Его боль – всегда была болью обиды, никогда не болью раскаяния. Разочарование? Но в чем же именно? В чем мог бы разочароваться неустанный певец несвободы, всю жизнь призывавший давить, пресекать, устранять?» (Ю. Карачижевский)

Существует весьма популярная версия, что Маяковского убили чекисты. Однако в данном случае они явно ни при чем. Против этой детективной версии можно привести много веских аргументов. Так, «жутко незначительное» (Д. Бедный) предсмертное письмо написано не только почерком, но и уникальным слогом Маяковского. В случае убийства Маяковского непременно свидетелями или даже соучастниками должны были быть, по крайней мере, четыре человека (не считая соседей): Брики, Лавут и Вероника Полонская. Ни один из них (считая соседей) не был впоследствии ни убит, ни даже посажен.

Несомненно, в самоубийстве Маяковского существенную роль сыграли такие факторы, как отсутствие в критический момент «царицы Сиона евреева» и ее официального мужа О. Брика, замужество одной возлюбленной (Т. Яковлевой) и нерешительность другой (В. Полонской), провал «Бани», неуспех персональной выставки, предательство друзей (которые еще недавно ряжеными приветствовали его – юбиляра) и проч. Но все эти обстоятельства являлись только катализаторами тех процессов, которые происходили в душе поэта.

Красноречивым свидетельством душевного состояния Маяковского является его поведение во время празднования его последнего дня рождения, когда юбиляр весь вечер просидел в окружении ряженых друзей, нацепив маску козла и громко бляя. А когда к нему явился Борис Пастернак, решивший после давнего разрыва поздравить Маяковского и выразить ему свои добрые чувства, хозяин приказал выгнать бывшего друга, которого тотчас вытолкали вон – в слезах и без шапки.

«Мысль о самоубийстве, – пишет Л. Брик, – была хронической болезнью Маяковского, и, как каждая хроническая болезнь, она обострялась при неблагоприятных условиях...»

Однажды (по другой версии – дважды) он уже стрелялся в молодости. Тогда, если верить его рассказу, пистолет дал осечку.

Где-нибудь в случайной компании, за картами, он вдруг хлопал в ладоши и произносил чуть ли не радостно: «К сорока застрелюсь!»

«А сердце рвется к выстрелу, а горло бредит бритвою...»

Все упоминания в стихах о самоубийстве давно уже собраны вместе и много раз перечислены. Но есть и другие, не менее частые: «...я увенчаюсь моим безумием...», «...да здравствует – снова – мое сумасшествие!..», «...пришла и голову отчаянием занавесила мысль о сумасшедших домах...» Знаменательна и ненависть к психиатрам: «И по камням, острым, как глаза ораторов, красавцы-отцы

здоровых томов, потащим мордами умных психиатров и бросим за решетки сумасшедших домов!»

«Я не помню Маяковского ровным и спокойным,» – говорит В. Полонская. «Какой же он был тяжелый, тяжелый человек!» – вторит ей сестра Л. Брик Эльза Триоле. Жизнь его и близких к нему людей отягчалась еще и рядом странностей, на которые обратил внимание Ю. Карабчиевский, автор блестящей и самой глубокой книги о Маяковском. Мания чистоты, боязнь заразиться. Мания преследования, боязнь воров и убийц. Ипохондрия, мнительность. Мания аккуратности: педантично раскладывал вещи, каждую на свое неперемное место, безумно злился, если что-то оказывалось не там, где положено. Вечные придирки ко всякому обслуживающему персоналу, от ссор с собственными домработницами – до вызова директоров ресторанов и писания длинных обстоятельных жалоб. И, наконец, самое главное: навязчивая мысль о самоубийстве, усиленная страхом смерти и старости, беско-

нечно опасная сама по себе, – смертельная на всем этом фоне. Все обстоятельства последних месяцев и особенно последних дней были словно специально сведены и направлены на то, чтобы усугубить его болезнь и привести к роковой развязке.

В заключение стоит сказать несколько слов об отнюдь не однозначном творчестве В. Маяковского. Суть его, на наш взгляд, прекрасно выразил уже неоднократно цитировавшийся Ю. Карабчиевский: «В сущности, он совершил невозможное. Действуя в бесплодном, безжизненном слое понятий, общаясь лишь с поверхностным смыслом слов, с оболочкой людей и предметов, он довел свое обреченное дело до уровня самой высокой поэзии. Не до качества, нет, здесь предел остался пределом, – но до уровня, считая геометрически. Его вершина пуста и гола, не сулит взгляду ни покоя, ни радости, – но она выше многих соседних вершин и видна с большего расстояния... В этом исключительность Маяковского, его странное величие, его непоправимая слава».

КНИГИ И ЛЮДИ

Иосиф Косинский

На весах истории

РАЗМЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОКА ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ ОДНОЙ КНИГИ

На новый труд Кирилла Михайловича Александрова¹ невозможно было мне отозваться просто *рецензией*. Поначалу попробовал – да не вышло. Потому, прежде всего, что более чем тысячестраничный труд петербургского историка выходит далеко за пределы своего академически корректного названия, затрагивая многие пласты отечественной истории. Корни власовской эпопеи уходят даже не в тридцатые годы минувшего столетия, а в двадцатые и, возможно, еще глубже. Вдобавок, я – современник и, стало быть, живой свидетель российской истории середины XX века. Как ни тяжело заново углубляться в небывалые горести и беды, постигшие на моей памяти Отечество, – куда было деваться от бездны воспоминаний и ассоциаций?! Вот и получилась не рецензия, а скорее публицистический очерк.

Когда во второй половине 1930-х годов Европа вступила в «новый тур войн и революций», поторапливаемый как Берлином, так и – не в меньшей степени – Москвой, – советская пропаганда изо дня в день внушала не только Красной армии, но и всему народу нашей страны хвастливый ворошиловский лозунг: «Воевать будем малой кровью, на чужой территории». Столь уверенная бравада опиралась на два фундаментальных идеологических постулата. Первый:

– «советский воин», боец-красноармеец – не чета потенциальному противнику, которого смогут выставить против нас империалисты.

Вторая столь же оптимистическая концепция гласила:

– стоит войне начаться – и Красную армию поддержат стихийные восстания пролетариата во вражеских тылах².

У меня, тогдашнего школьника, пионера, даже мысли не закрадывалось, что, быть может, все обстоит совсем не так, что я живу в самом лживом на свете государстве, – а между тем, в нем очень многое обстояло тогда, как говорится, *с точностью да наоборот*. Государство было не только беспрецедентно лживым, но и бесчеловечным. Если своим солдатам, вернувшимся в 1939 году из японского плена, Сталин вроде бы еще не мстил, то полгода спустя финский плен обернулся для вернувшихся на родину солдат и командиров невероятными издевательствами и репрессиями, вплоть до насильственной смерти. Все рекорды и в этом отношении были побиты после 22 июня 1941-го.

Позорная война с не в меру свободолюбивой Финляндией основательно отрезвила многих моих соотечественников. А к 1941 году народ вообще перестал верить газетам и радио. Уже первая военная сводка, выпущенная Главным Командованием Красной армии 23 июня, ничего, кроме лжи, не содержала. После войны нам объясняли это тем, что, дескать, Москва и Генеральный штаб Красной армии не имели поначалу сведений с фронтов.

Но и дальнейшие сводки («От Советского Информбюро») были крайне приблизительными, а содержащиеся в них в изобилии боевые эпизоды лишь скрывали истину о положении на фронтах. В распоряжении советской пропаганды оставалось еще такое действенное оружие, как инспирируемые властями утешительные слухи. Человек так устроен, что в самые тяжкие времена ему нужна хоть какая-то надежда. И вот – Ленинград уже в блокадном кольце, однако слышим – и передаем из уст в уста: «На выручку идет армия генерала Мерецкова... Маршала Кулика...»

Ни та, ни другая Ленинград не выручили – не дошли.

А еще одному сталинскому полководцу, назначенному деблокировать уже почти вымерший голодной смертью Ленинград, было уже вовсе не до нас: его 2-я ударная (!) армия сама погибала, тонула в новгородских и волховских болотах (дело происходило весной 1942 года).

Этим третьим ставленником Кремля оказался, по иронии судьбы, генерал Власов.

Я это имя узнал только летом следующего года, подняв где-то в пригороде, под Токсовом, уже несколько пожухшую немецкую листовку. Ее текст говорил о невероятных, скрываемых от нас людских потерях Советского Союза за первые два года войны – столь чудовищных, что верить цифрам было просто невозможно. Могло ли быть, к примеру, что кадровую армию страна потеряла уже в 1941 году? Что в плен угодило за год чуть ли не четыре миллиона бойцов и командиров? Ведь продолжаем же как-то воевать, удерживаем фронт?

Листовка раскрывала нам глаза на незавидную нашу судьбу в случае продолжения войны: упирала на «кабальные займы», которые народу России предстоит выплачивать хищным союзникам – «англо-американским плутократам». Одновременно намекалось на то, что Гитлеру Россией в любом случае не владеть, – так неужто предпочтем вечную заокеанскую кабалу?! В единственно справедливом направлении ориентировала нас, выходит, листовка: ни с Гитлером, ни со Сталиным, – оба достаточно проявили себя!

Внизу листка стояли две внушительные подписи: генерал-лейтенант Власов, генерал-майор Малышкин.

Эта случайно подобранная листовка показалась мне, тогдашнему 14-летнему комсомольцу, неубедительной. Не только потому, что исходила она, как ни крути, из вражеского стана. Против ее содержания говорили в ту пору уже многие известные нам, по эту сторону фронта, *контраргументы*. Прежде всего, как-никак, задуманный Гитлером блицкриг явно не удался: советское государство воюет уже третий год, чего б ему это не стоило. Даже во все еще осаждаемом немцами Ленинграде никто уже не умирает с голоду – благодаря щедрым американским поставкам, конца которым не предвидится. Вдобавок на городских улицах все чаще встречаются

невиданные прежде великолепные военные машины – «студебеккеры», «доджи», «виллисы», потоком текущие из той же Америки. В газетах я читаю о тысячах самолетов, поставляемых нам Америкой, – и, с другой стороны, о разрушении союзной авиацией германских городов и заводов. Словом, весы войны определенно склоняются в нашу пользу.

Однако в середине того же 1943 года картина представлялась еще совсем иной – и даже диаметрально противоположной! – с другой стороны фронта, а уж тем более – из-за колючей проволоки немецких лагерей военнопленных. Там тоже к третьему году войны прекратилось вымирание, *вымывание* советских военнопленных. Немцам удалось привлечь многие тысячи пленных – а к ним еще добавились десятки тысяч «остовцев» – к работе на своих заводах и в сельском хозяйстве, и для этих людей не было секретом, что Германия сражается умело, упорно и настойчиво, ожесточенно перемалывая сталинские дивизии, что ее военное производство растет, что вследствие англо-американских бомбардировок жизненно важные заводы успешно переводятся под землю. «Второй фронт», которого отчаянно добивался Сталин, был еще далеко, и на Гитлера по-прежнему работала экономика всей Европы.

А в то же время наши *пленяги* оставались спящими Сталиным в небытие, о чем им не уставала напоминать немецкая пропаганда. И, конечно, жизненный опыт красноармейца, тем более – командира был горше и круче школьника вроде меня – пусть даже чудом выжившего ленинградского блокадника. Взрослые люди отлично помнили все, о чем я мог иметь лишь смутное представление: свирепую «коллективизацию» начала тридцатых и учиненный Сталиным голодомор в деревне, унесший в мирное время миллионы жертв; обнищание городов, обреченных на «карточную систему», чекистский *беспредел*. Для нынешнего военнопленного контингента конец 1930-х годов был ознаменован предельным ужесточением государственного террора, повальной чисткой не слишком-то надежной Красной армии, – чисткой, фактически обезглавившей наши вооруженные силы, и, будто всего этого было мало, злополучной финляндской авантюрой, за которую было заплачено полутора сотнями тысяч жизней. Короче, поколение, старшее меня на десяток лет, уже отлично знало цену *социализму*, победившему, по утверждению Сталина, в нашей стране.

Гитлер преподавал нам новый страшный урок. Миллионы советских воинов не то *угодили*, не то – по ядовитому определению одного эмигрантского публициста, *подались* в гитлеровский плен в обстоятельствах, для Сталина не просто неожиданных и трагических, но впрямь позорных: выяснилось, что гигантская его армия, с ее подавляющим преимуществом в танках, орудиях и самолетах, воевать не умеет (и не желает?).

05/2010

И здесь, объясняли германские пропагандисты, последовало уже двойное предательство Сталиным собственных соотечественников. Мало того, что сначала кадровую армию сталинское государство обрекло на бесславное поражение, на гибель или плен, – вдобавок эти миллионы пленных были объявлены на родине изменниками, предателями. Впрочем, ничего иного им и не приходилось ожидать: ведь еще задолго до войны СССР отказался подписать гуманную международную Женевскую конвенцию о военнопленных.

Вот они и оказались брошены на произвол судьбы.

К лету 1943 года, когда возникло Власовское движение, до капитуляции Германии (хотя никто не мог тогда об этом знать) оставалось еще целых два года. А для сотен тысяч молодых людей, привыкших держать в руках оружие и стремившихся снова получить его, открылся неожиданно какой-никакой, но – *выбор*: возможность не просто выбраться из-за колючей проволоки «шталага», но куда значительнее и важнее – почувствовать себя человеком после многих месяцев (лет) неволи, то есть – уже не лагерным быдлом.

«...Сверх дымящейся каши в призывах вербовщика был призрак свободы и настоящей жизни – куда бы ни звал он! В батальоны Власова. В казачьи полки Краснова. В трудовые батальоны – бетонировать будущий Атлантический вал. В норвежские фиорды. В ливийские пески»³.

Но кроме рядовых солдат, армии Власова требовались ведь и многие тысячи офицеров. И вполне оправданно именно офицерскому корпусу власовской армии посвящено исследование К. М. Александрова. Подавляющее большинство власовских офицеров служили прежде в Красной армии, на их мировоззрение наложил неизбежный отпечаток сталинский режим, и у многих давало себя знать глубоко укоренившееся убеждение: «это советская власть сделала для меня столь многое, в сущности – все». То есть – дала какое-никакое образование, вырвала из беспросветного крестьянского быта, нищенского фабрично-заводского прозябания, подняла до уважаемого статуса командира РККА, привинтила на петлицы лейтенантские «кубари», а то и капитанские (и майорские, и даже полковничьи) «шпалы»... Если первые – поистине кошмарные – год-полтора германского плена удалось пережить, – вроде бы и нет никакого резону снова брать в руки оружие? Эта категория будущих власовцев была как-никак лучше основной массы пленных осведомлена о реальном положении воюющей Германии, представляла себе могущество сил антигитлеровской коалиции. Вдобавок – именно в их среду усиленно старалась проникнуть – и проникала – советская агентура, лживо нашептывая: «Родина простила!» (Что простила – *плен*?) «Вы еще будете нужны ей! Родина ждет...» Их ждали смертные приговоры на сталинской родине, в лучшем случае – каторжные лагеря,

но... в это не хотелось и для многих и многих – невозможно было тогда поверить.

А вдобавок – почти у всех оставались там, на родине, жены и дети. И пленные отгоняли от себя мысль, что Сталин предаст их еще и в третий раз. Что их судьбой станут десяти-, пятнадцати- и двадцатилетние концлагерные сроки, притом концлагеря самые жуткие – гибельные шахты Воркуты и Колымы, урановые рудники.

Но, как бы там ни было, в составе войск КОНР (РОА) оказались, по свидетельству К. М. Александрова, не менее пяти тысяч генералов и офицеров. Разными были до того их судьбы – от давних белоэмигрантов Кромиади, Сахарова, фон Лампе, успевших повоевать против большевиков, кто в гражданскую войну, кто на стороне Франко в Испании, а кто, может статься, и в финскую, до советского воздушного аса, Героя Советского Союза Бычкова, сбитого немецкими зенитчиками над Белоруссией, или полковника ВВС, дважды орденосца Ванюшина, попавшего в плен в результате ранения под Вязмой в октябре 1941 года. Или преподавателя Академии Генерального штаба Трухина и блестящего выпускника той же Академии полковника Нерянина.

Свою небезынтересную оценку обоим, а заодно и самому Власову, дал посторонний, так сказать, свидетель – советский генерал-майор Григоренко⁴. Провоевавший в 1943–1945 годах на командных должностях в Красной армии, он пишет в своих мемуарах, бесхитростных и объективных: когда в 1939 году, после того, как в Советском Союзе был выкошен Сталиным едва ли не весь командный состав вооруженных сил, уцелевших начали, волей-неволей, повышать в званиях. Власов счастливо пережил период всеармейской «чистки» благодаря такому стечению обстоятельств: с осени 1938-го по конец 1939 года он находился в Китае – был направлен туда Москвой в качестве военного советника одного из чанкайшистских генералов. «Лично с Власовым я знаком не был, – пишет Григоренко, – но знал о нем хорошо. Запомнился 1940 год. Буквально дня не было, чтоб “Красная звезда” не писала о 99-й дивизии, которой командовал Власов. У него была образцово поставлена стрелковая подготовка. К нему ездили за опытом мастера стрелкового дела. Я разговаривал с этими людьми, и они рассказывали чудеса. Вторично я услышал о Власове в ноябре 1941 года, когда его 20-я армия отвоевала занятый немцами подмосковный Солнечногорск. Снова о нем говорили как о выдающемся военачальнике».

Еще до войны, зимой 1941 года, Власов, тогда генерал-майор, получил орден Ленина за выполнение правительственного задания в Китае. За подготовку 99-й стрелковой дивизии Киевского особого военного округа он вне очереди получил воинское звание комбрига, а потом очень быстро – генерал-майора. 99-я была признана лучшей

дивизией в Красной армии (!). После успешных боев в Подмоскowie зимой 1942 года Власов заслужил звание генерал-лейтенанта и орден Боевого Красного Знамени. На самый гиблый, Волховский фронт, возглавляемый тогда Мерецковым, Власов отправился по прямому указанию Сталина, как единственный командарм, способный выправить сложившееся там безнадежное, по сути, – положение. Но даже Власову не удалось спасти от разгрома окруженную немцами Вторую ударную (!) армию.

...А вот с начальником штаба будущей власовской армии – генерал-майором Трухиным – и его начальником оперативного отдела, – полковником Неряниным, – Григоренко в предвоенные годы в Академии Генерального штаба был знаком непосредственно. Первый преподавал Петру Григорьевичу тактику, а второй был однокашником.

«Потом я узнал, – писал Григоренко, – что Трухин – начальник штаба РОА. Боли это не прибавило. Трухина я ценил не очень высоко. Его участие во власовском движении я считал закономерным: приспособленец. Но тут – новый удар: заместителем у Трухина – полковник Нерянин Андрей Георгиевич. Нерянин – мой сокурсник по Академии Генерального штаба <...> Очень серьезный, умный офицер, хорошо схватывает новое, не боится высказать свое мнение и покритиковать начальство <...> Наши друзья называли нас парой бунтарей. И вот этот человек, которого я брал себе за образец, оказался тоже во власовском движении. Я так знал этого человека, что никто не мог бы убедить меня, что он пошел на этот шаг из нечестных мотивов».

Да и Трухина Григоренко поспешно считал «приспособленцем» лишь на основании трений, случавшихся между ними обоими еще тогда, в Академии. Узнав о непреклонном поведении Власова и Трухина, когда «власовскую верхушку» на послевоенном пыточном следствии в Москве усиленно склоняли признаться лишь в *измене*, обещая за такое признание сохранить им жизнь, оба неизменно отвечали, что изменниками не были, а выступили против Сталина и тоталитарного строя, навязанного их родине: «Сталина ненавижу. Считаю его тираном и скажу об этом на суде», – передает Григоренко ставшие ему известными слова Трухина следователям.

В книгу «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова» автор ввел 170 подробных жизнеописаний власовских генералов и офицеров, включая самого Власова. Тщательно документированная биография А. А. Власова занимает в книге более семидесяти страниц. Остальные биографические очерки, собранные по крупицам отечественным историком, тоже чрезвычайно обстоятельны. В пользу объективности этого фундаментального исследования говорит то, что мы видим из него: среди многочисленного власовского «офицерского корпуса» были очень разные люди – незави-

симо от их предыдущего жизненного пути. Несомненно, внедрялась туда усиленно и гебистская, и «смершевская» агентура. Но труд К.М. Александрова убедительно противостоит непрекращающимся попыткам историков просоветской и просталинской ориентации, которые все еще тяготеют к «разоблачению» власовского феномена, небывалого в истории войн: «На самом деле, – подчеркивает автор книги, – *разоблачение* вообще не может быть задачей профессионального исследователя и исторической науки в целом. Прискорбно, что именно страсть к разоблачению, а не стремление к кропотливому описанию происшедших событий, до сих пор служит импульсом для научной работы».

Не в этом ли причина того, что в подсоветскую эпоху история Отечества была так бессовестно *залгана*, по точному определению Солженицына? И что инерция рабского, конъюнктурного мышления давала себя знать и в период провозглашенной Кремлем «гласности»? Не изжита она и сегодня.

Населению послесталинской России, десятилетиями подвергавшемуся интенсивной пропагандистской обработке, трудно было уяснить себе историю и характер Власовского движения. От народа всячески скрывали, что Власову удалось возглавить почти стотысячную русскую национальную армию. В широко разрекламированном, увенчанном Ленинской премией кинобоевике «Освобождение», вышедшем на экраны в начале 1970-х годов, есть такая впечатляющая сцена. В июле 1943 года генерал Власов, якобы, обращается с речью к узникам гитлеровского концлагеря Заксенхаузен, призывая их вступить в РОА. Из тысячного строя после долгих колебаний выходит с десятком пленных – и, понуро бредут эти жалкие отщепенцы в своей полосатой, пока еще лагерной одежде, под испепеляющими взглядами всех остальных: те «предателей» единодушно презирают.

Увы, не появлялся в действительности Власов в концлагере Заксенхаузен в июле 1943 года, как не появлялся он и в других нацистских концлагерях, то есть – вообще не существовало в истории этого эпизода (*Александров К.М. С. 28*). Были зато в истории РОА многие эпизоды, противоположные по смыслу, – то есть призывы Власова и его эмиссаров, обращенные к массам военнопленных, давали ему тогда же не десятки, а десятки тысяч солдат и офицеров. Мало того, как пишет Александров, «пополнения из лагерей военнопленных продолжали поступать во власовскую армию вплоть до апреля 1945 года» – около пятисот новых добровольцев, преимущественно командиров, – в ноябре – декабре 1944-го, а «последние девять бывших пленных командиров прибыли в Германию из Норвегии в первой половине апреля 1945 года».

Нет, это были явно не те, что успокаивали себя уже в сорок третьем, переломном году, а тем более в сорок четвертом: авось, переживем войну, переси-

05/2010

дим ее в германском плену, а там посмотрим – чья возьмет. К Власову шли совсем иные люди – те, кто не желал связывать свое будущее и будущее России со сталинщиной.

Равно как и с Гитлером. Красноречива ситуация, сложившаяся уже «под занавес» с освобождением Праги.

В последние дни войны в Европе на помощь восставшим силам чешского Сопротивления пришла власовская дивизия – 1-я пехотная дивизия генерал-майора С.К. Буняченко, завязавшая бои с войсками пражского гарнизона, насчитывавшего до десяти тысяч военнослужащих. Освободить Прагу от немцев ей не удалось, подчеркивает К.М. Александров. Однако «своими активными действиями дивизия Буняченко отвлекла на себя большую часть сил немецкого гарнизона и рассекла город на северную и южную части, воспрепятствовав прибытию в Прагу частей Вермахта и СС, находившихся за пределами чешской столицы. Тем самым объективно власовцы минимизировали потери чехов, а захватом Рузинского аэродрома не допустили бомбардировки Праги». При этом, как сообщает Кирилл Михайлович, потери власовцев составили более трехсот солдат и офицеров убитыми, и около двухсот – ранеными. Генерал Буняченко надеялся, что вот-вот к Праге подойдут на выручку американские войска, но убедившись, что они делать этого не собираются, утром 8 мая вывел свои части из города, чтобы уйти в зону американской оккупации Чехии. Лишь через 8–10 часов немецкий комендант чешской столицы подписал протокол о капитуляции всего немецкого гарнизона Праги. Спусти еще 12 часов, около четырех часов утра 9 мая, в Праге появилась первая бронетехника 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Противник, от которого требовалось освободить город, уже не существовал, но именно так, замечает Александров, «родилась советская классическая версия об освобождении Праги».

Нельзя сказать, чтобы Советы не чувствовали никакой неувязки в такой трактовке событий. Им было прекрасно известно, что решающую роль в сражении за чешскую столицу, которую они заняли без боя, сыграла некоторая посторонняя сила, которую нельзя вслух назвать. Поэтому, например, автор статьи о Пражском восстании в таком солидном источнике, как «Большая советская энциклопедия», эту силу обозначил так: «Активную роль в восстании (пражан) играли советские граждане, бежавшие из фашистских концлагерей». Том энциклопедии вышел в 1974 году, в период брежневского «застоя»: поневоле приходилось изворачиваться!

Но и полтора десятка лет спустя, в эпоху «гласности», отечественный военный историк, кандидат исторических наук Виктор Чернухин, обратившись к власовской теме, излагает ход майских событий в Праге в очевидной советской

интерпретации: «В сутолоке войск трех фронтов Красной Армии, днем и ночью продвигавшихся по всем дорогам в восставшую Прагу, 6 мая 1945 года проскочила туда и 1-я дивизия РОА, около десяти тысяч человек⁵, в которой находился А. Власов. Могло ли столь малочисленное соединение сыграть какую-либо роль в освобождении Праги, в которой находилась почти миллионная армия⁶ гитлеровцев? Что значит для такой мощной группировки десять тысяч деморализованных власовцев? <...> Да вступи они с фашистами в настоящую схватку, от них бы, от власовцев, осталось бы только, что называется, мокрое место. Пражане, ошибочно приняв дивизию РОА за советскую, приветливо ее встретили. Но неуклюжий маневр власовцев был вскоре распознан, и вооруженные отряды чехословацкого Сопротивления вышвырнули их из Праги, сумев частично разоружить. Спасаясь, власовцы были вынуждены вступить в бой с эсэсовскими заслонами, преградившими им путь в зону действия американских войск. На этом и завершилась “главная роль” власовцев в освобождении Праги».

Газета «Советская Россия» опубликовала (5 октября 1991 года) материал, который я только что процитировал, под заголовком «Измена генерала Власова», представив его автора в качестве «руководителя коллектива военных историков». Выдумки товарища Чернухина не ограничиваются, разумеется, столь дикой версией пражских событий. Во всем остальном он лжет не менее беззастенчиво и, так сказать, мелкотравчато. Вынужденный признать, что в битве под Москвой зимой 1941–1942 годов Власов занимал должность командующего 20-й армии Западного фронта, к слову, блестяще себя проявившей под его командованием, псевдоисторик объясняет, что командарм «начал основательно лечиться» (читай: вместо того, чтобы командовать?), да и орден-то ему достался более чем скромный, отнюдь не генеральский – Красная Звезда (в действительности – орден Боевого Красного Знамени, как мы помним). Об ордене Ленина, заслуженном Власовым еще до войны, Чернухин вообще предпочел лучше не вспоминать.

Вернемся к монографии К.М. Александрова. В демократическом государстве, сбросившем цензурные путы, честный историк не может быть вовсе чужд объективных *оценок* материала, которым он располагает. Такие оценки встречаются, естественно, и у Александрова – при всем его неприятии модных «разоблачений», которые на поверку оказываются, как мы только что видели, дешевыми фальсификациями и передержками. Но встречаются они, главным образом, не в «биографической» части его труда, а авторских примечаниях, где по необходимости расширен круг персоналий.

Опять же в примечаниях, а не в основном тексте монографии Александрова, находим любопытней-

шие высказывания о Сталине, принадлежащие самому Власову (в пересказе одного из собеседников генерала): «Сталин зверски умен. Редко я встречал такого люто-умного человека. <...> Сталин по образованию совсем штатский, почти самоучка, не кончил ведь семинарии, а до чего поразил он меня <...> познаниями в военном искусстве! И наверняка военной науки он не осваивал, а лишь постиг это своим недюжинным синтетическим умом. Так у него все было ясно разложено в мозгу, и говорил он так спокойно, медленно, убедительно и дельно, что казалось, он – Генеральный штаб, а мне остается только исполнение его приказов. А время было серьезное, даже весьма, – другой бы волновался, суетился и в панике чего бы не наделал, а этот совершенно точно намечает: туда перебросить тех-то, туда-то поставить артиллерию, туда перенести аэродромы, а танками ударьте здесь. Говорю вам, полковник, умная это bestия, но умная от дьявола! И нет ведь человека на свете, который бы его любил, не знает он и любви к кому бы то ни было, а вот при общении с ним нельзя не чувствовать превосходства его ума».

Если развить эту мысль, – получается, что Сталин – ни много, ни мало, орудие самого Сатаны. Впрочем, о чем-то подобном шли толки уже задолго до войны. В.А. Пирожкова (многолетняя эмигрантка из второй волны) вспоминает о таких домыслах: то ли за Сталиным стоит «еврейская клика», то ли один Каганович, то ли масоны, либо еще кто-то. А уже после войны, в Мюнхене, у Пирожковой состоялся разговор на эту тему с выдающимся русским философом и мыслителем Ф.А. Степуном. «Вы правы, – сказал Степун, – за Сталиным кто-то очень явно стоит, но это не какой-то другой человек или другие люди. За ним стоит дьявол». Как, однако, при этом дьявольском уме, способностях, пронырчатости Сталин мог совершать чудовищные просчеты в своей политике, едва его не погубившие при столкновении с другим протеем Сатаны? Ведь это Сталин обезглавил армию накануне «большой войны», это он затеял нелепую войну с Финляндией – и одновременно – ненужную такой континентальной державе, как Россия, лихорадочное создание «флота пяти океанов». Десятки тысяч тонн броневой стали, потребные для производства танков, пошли на гигантские, «самые мощные в мире» линкоры и тяжелые крейсера. Возразить этому безумию никто не решался, и вторжение Гитлера стало чудовищные корпуса этих самых линкоров и крейсеров, ржавеющими на верфях Николаева и Ленинграда... В Николаеве металл достался Германии – то-то было там радости! А в Ленинграде и Молотовске (Северодвинске) – не знаю, чем кончилось.

Сказав «А», нельзя не сказать и «Б». Мешало нашему доморощенному Сатане одно: он был психически болен. Диагноз: паранойя. Всю жизнь его преследовали навязчивые идеи, и, прежде всего, – неотвязная мания преследования. Виной тому –

скверная наследственность, тяжелое детство; в дальнейшем все усугублялось неограниченной властью (тот же фактор, что сыграл дурную шутку с Гитлером). Что к этому добавить? Быть может, «азиатский синдром» Сталина – патологическая жестокость и мстительность. В целом – предельно клиническая картина.

В XX столетии очень не повезло России с «вождями», и в мировом историческом процессе наша родина оказалась проигравшей Америке: печальный итог! Но многим соотечественникам, естественно, хотелось бы все же найти в минувшем столетии хоть какую-то светлую полосу, которой можно гордиться. Предмет всенародной гордости пытаются видеть в войне 1941–1945 годов: ведь, как-никак, сталинский Советский Союз одержал победу над такой сильнейшей европейской державой, как гитлеровская Германия!

Такие вещи, как чудовищная цена Победы, и как «власовщина», подрывают эту героическую концепцию. Однако сегодня, в XXI веке, уже никак невозможно делать вид, будто столь неудобных страниц истории не существовало. Не удается более изображать Власовское движение как деятельность «кучки жалких отщепенцев» и «шкурников», которых настигла «суровая кара советского суда». И приговор-то Власову и его соратникам, как выяснил Александров, в 1946 году выносил не «суровый советский суд», а сталинское Политбюро.

Уже и в России историки разных направлений признают: «не было бы тридцать седьмого (то есть предвоенного сталинского террора), – не случилось бы и сорок первого». Однако истоки *власовской эпопеи* еще несравненно глубже. Иными словами – и сегодня Истории не так уж далеко до неизбежно признания: к роковому сорок первому году государству шло, начиная с трагического для России года семнадцатого. Не было бы Ленина и Сталина – не случилось бы на нашу голову и Гитлера. А отсюда уже все остальное.

¹ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945 / Биографический справочник. II изд., исправленное и дополненное. Науч. рецензенты: д. и. н. А.Н. Цамутали, к. и. н. В.Ю. Черняев, д. и. н. А.Б. Зубов. «Посев». М., 2009; 1120 страниц.

² Советская пресса и радио изо всех сил популяризировали это «шапкозакидательство». В 1937 году влиятельный в то время литератор Геннадий Фиш выдал от имени красноармейцев такой прогноз: «В бою будут раненые и убитые, но ручаемся – ни одного пленного не будет. Мы так учены... Пленными будут неприятели, но среди нас не будет!» («Литературная газета», 30 июля 1937 г.).

³ Цит. по: *Солженицын А.И.* Собр. соч. в семи томах. Т. V–VII. Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956. Опыт художественного исследования. Вермонт – Париж, 1980. Т. 5. С. 237.

⁴ *Григоренко П.Г.* В подполье можно встретить только крыс... Нью-Йорк, 1981. С. 214–217.

⁵ На самом деле – около 17–18 тыс. – *Прим. ред.*

⁶ В. Чернухин выдает численность войск группы армий «Центр» на всей территории Чехословакии в начале мая 1945 года за численность войск Пражского гарнизона (около 10 тыс. военнослужащих). – *Прим. ред.*

Александр Гогун

Документы НКВД о подготовке СССР к войне

В прошлом году в Киеве вышел замечательный сборник документов: «Советские органы государственной безопасности в 1939 – июне 1941 года»¹.

Издание в лучшую сторону отличается от соответствующих томов подготовленной ФСБ серии «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Во-первых, составители киевского сборника обозначали все купюры. Во-вторых, никогда не удаляли наиболее ценные фрагменты документов. В-третьих, рядом с приводимым источником всегда стоит ссылка на фонд, описание, дело и лист, то есть каждый желающий может взглянуть на оригинал. В-четвёртых, в указанной работе киевляне не публиковали документы из других архивов и не выдавали это за свои собственные находки и единицы хранения². В-пятых, во вводной статье и примечаниях автор не нашёл грубых ошибок, которые в московской серии наличествуют в изобилии³. Иными словами, работа выполнена на достойном уровне. Пожалуй, единственным существенным недостатком книги является её объём – 1311 страниц: следовало распределить материал на два тома.

Составителями киевского сборника не ставилась цель показать подготовку СССР к агрессии, но поскольку задачи утаить шило в мешке тоже не было, документы сказали правду. Приведём только часть этих свидетельств эпохи.

Как известно, 19 августа 1939 года И. Сталин принял решение о начале Второй мировой войны и подготовке СССР к ней. Это означало конкретные указы по всему аппарату.

Случайно или нет, но к названной дате относится директива заместителя наркома внутренних дел УССР А. Кобулова начальникам областных управлений НКВД об улучшении «оперативного обслуживания» авиазаводов⁴. Иными словами, нагоняй по поводу массы аварий, которые, якобы, были вызваны действиями «антисоветского подполья» и «вредителей». Понятно, что и охвостья подполья в СССР к 1939 году не осталось, но, по чекистской традиции, получив указания об усилении бдительности, органы отреагировали так, как привыкли.

Кроме того, лубянского ведомства коснулась скрытая мобилизация промышленности, перевод экономики страны на военные рельсы. Дело в том, что массу предприятий чекисты контролировали официальными путями, а также с помощью агентуры.

Всё это нашло выражение в ряде сообщений о состоянии выполнения поставленных задач, где эти задачи описывались.

Торпедный завод № 175 им. Кирова в городе Большой Токмак Запорожской области: «...19 августа сего года от 5 Главного управления Наркомата судостроительной промышленности получено моб-

задание...»⁵. Далее следует номенклатура производства смертоносных изделий.

Завод № 308 в Харькове: «...в августе сего года от наркомата боеприпасов получено мобилизационное задание, согласно которого во втором полугодии сего года завод должен изготовить 2,5 миллиона ручных гранат системы Дядькова РГД-33 образца 1933 года с деталями запала к ним в таком же количестве»⁶.

Мариупольский радиаторный завод: «21 августа сего года заводу спущено мобзадание для ежемесячного изготовления следующей продукции...». Далее следует перечень из восьми пунктов, последние два: «Детали танка БТ-25 – 14692 шт., [детали танка] БТ-7 – 4045 [штук]»⁷.

Капсюльный завод в городе Шостка Сумской области: «Завод № 53 до 1 августа сего года вёл подготовку к выполнению мобилизационного задания по плану 1938 г.

22 августа, а затем 13 сентября сего года Наркоматом боеприпасов заводу было спущено новое мобилизационное задание на 2-е полугодие 1939 г., превышающее прошлое в два раза»⁸.

Тот же город, производство пороха: «Завод № 9 в сентябре месяце 1939 года получал от наркомата боеприпасов мобилизационное задание изготовить во 2-м полугодии 17.000 тонн бездымных порохов»⁹.

Киевский судоремонтный завод «Ленинская кузница». Прометеем этого предприятия 8 сентября 1939 г. из Наркомата судостроения была дана директива, в которой чётко обозначались приоритеты в починке кораблей: «...План по элементам выстрела является первоочередным заданием, невыполнение которого означает невыполнение всего промышленного плана завода»¹⁰.

Киевский завод «Большевик»: «14.IX завод получил указание перейти на выполнение выпуска снарядов по плану М[обилизационный] П[лан]-1 с расчётом выпуска в 4 квартале 1939 года 120.000 корпусов снарядов, сохранив 40% выпуска общей химической аппаратуры»¹¹.

Снова столица Украины: «...Завод «Красный экскаватор» с 16.IX перешёл на выполнение спецзаказов по М[обилизационному] п[лану]-1, имея задание до конца года изготовить 92.000 корпусов 122 м/м снарядов из сталистого чугуна и 69.000 корпусов авиабомб»¹².

Константиновский завод «Автостекло № 25», изготавливавший для РККА отражатели и стекло разных размеров: «17 сентября сего года завод получил мобилизационное задание, в котором определены контрольные цифры и номенклатура продукции. Эта номенклатура предусматривает выпуск 104 позиций, в основном стекло разных размеров»¹³.

В сентябре 1939 г. заместитель наркома внутренних дел УССР М. Горлинский дал запрос начальни-

ку запорожского областного управления НКВД Горбаню «проверить и к 25 сентября донести специальной докладной запиской о состоянии мобзапасов и готовности к выполнению мобилизационной программы» ряда важнейших военных заводов: «В записке отразите, какую номенклатуру продукции и [какое] её количество выпускает завод сейчас, какую и сколько должен изготовить в мобилизационный период, как к ней подготовлен, сколько фактически он может выпустить по мобноменклатуре[...] То же самое изложить по мобзапасам и рабочей силе». При этом, на случай неудач не забывался поиск «конкретного виновника срыва подготовки завода к выполнению мобзадания»¹⁴.

А к таковым подключались всё больше и больше предприятий. Не остался в стороне и завод № 60 в Ворошиловграде, производивший биметаллические ленты для гильз и пуль, а также порох и капсулы: «В соответствии с указаниями наркомата вооружения завод с 1 октября сего [1939] года приступил к выполнению мобилизационной программы»¹⁵.

Чем ближе была дата нападения, тем больше внимания уделялось контролю над стратегически важными объектами ВПК. Этому была посвящена директива наркома ГБ УССР начальникам УНКВД «об усилении оперативной работы» на предприятиях ВПК, датированная 23 марта 1941 года: «Некоторые начальники УНКГБ УССР, по видимому, недопонимают всей серьёзности задач, стоящих перед органами государственной безопасности в деле обеспечения чёткой агентурно-оперативной работы по обслуживанию оборонных и других важнейших предприятий и транспорта.

Такое положение в дальнейшем считаю нетерпимым.

ПРЕДЛАГАЮ:

Всю работу по агентурно-оперативному обслуживанию оборонных и важнейших заводов промышленности и транспорта вести в соответствии с приказом НКГБ СССР № 0015 от 5 марта 1941 г. по выявлению на этих объектах шпионских, диверсионно-вредительских, террористических организаций, групп и элементов, а также иных к[онтр]р[еволюционных] формирований.

Все оперативные учёты по оборонным, промышленным и транспортным объектам сосредоточить во вновь организованных в КРО УНКГБ промышленно-транспортных отделениях[...] Систематически информировать 2-ое Управление НКГБ УССР по всем имеющимся оперативным учётам и ходе их разработки»¹⁶. Конкретных виновников предлагалось привлекать к уголовной ответственности.

Не миновала ответственность и сам аппарат НКВД. В частности, раздражение исполняющего обязанности наркома внутренних дел УССР М. Горлинского вызвали проволочки в «разработке оперативно-чекистских мероприятий на период военного времени и ведения мобилизационного делопроизводства». Это вылилось в приказ № 3 от 4 января 1940 г., где был перечислен целый ряд недочётов

в нескольких регионах Украины: «Вышеприведённые факты говорят о том, что начальники управлений НКВД указанных областей не уделяют должного внимания столь важному вопросу, как обеспечение мобилизационной готовности наших органов на военное время». Давался и ряд конкретных указаний по исправлению ошибок, в частности, следующее: «Всем начальникам УНКВД лично, никому не передавая, проверить состояние моб[илизационной] работы в отделах УНКВД в соответствии с приказами НКВД СССР №№ 001122, 001143 и 00559, о результатах проверки и принятых мерах доложить личными докладами и записками к 23/1-1940 года»¹⁷.

То, что страна уже фактически жила в режиме военного времени, демонстрировал последовавший в середине января 1940 г. приказ наркомата ВД УССР о запрете перевода на другую «работу» оперативного состава, который обслуживал военные заводы¹⁸. Перемещение «особистов», тянувших лямку в «ящиках», позволялось лишь с санкции 2-го отдела экономического управления НКВД УССР.

Часть документов сборника составляют материалы, касающиеся «сотрудничества» НКВД и Красной армии, или, как минимум, контроля первого над второй.

Присутствовала и «обратная связь». Столкнувшись с плохой подготовкой «предполя» будущего ТВД в 1939 г., руководство КОВО завалила Наркомат обороны, а также хозяйственные и партийные инстанции заявками на железнодорожное строительство и улучшение инфраструктуры. Когда же, с точки зрения военных, предпринятые меры оказались недостаточными, руководство КОВО обратилось через своих особистов к начальнику НКВД УССР Ивану Серову. Челобитная заканчивалась прошением поставить все выдвинутые вопросы «в соответствующих наркоматах и управлениях».

Цитируем документ с первой строки: «Театр военных действий в западном направлении к настоящему моменту подготовлен крайне неудовлетворительно, что может привести на случай серьёзной войны к большим человеческим жертвам и затруднит выполнение операций. 1. В железнодорожном отношении.

Общая пропускная способность всех железных дорог к западу от бывшей границы достигает около 90 поездов в сутки[...] Такая пропускная способность железных дорог совершенно не обеспечивает ведение операций в западном направлении, что подтверждается расчётами, зимними перевозками и неоднократно проводимыми оперативными играми [...]

Наиболее узкими местами в железнодорожной сети КОВО являются:

А) Полоса вдоль бывшей границы с Польшей. Железнодорожная сеть в этой полосе строилась больше, если не исключительно, к действиям оборонительного характера...

Б) Следующим узким местом является полоса к Западу от линии Сарны, Ровно, Здолбунов, Тарнополь. (т. е. прямо перед границей с Германией. – А. Г.).»

Далее предлагалось предпринять несколько мер по исправлению ситуации, что должно было привести к общему успеху: «При условии развития пропускной способности до 180 пар поездов мы сможем подвезти 2 – 2 с половиной дивизии в сутки, а при развитии пропускной способности до 252 пар поездов сможем подвезти 3 – 3 с половиной дивизии в сутки. Это необходимо ещё и потому, что сосредоточение войск нужно будет произвести в минимально короткие сроки и раньше противника. Тогда мы сразу выигрываем во времени и добиваемся превосходства сил над противником, что является одним из важнейших условий в выигрывании операции»¹⁹.

Однако, далеко не всегда «сотрудничество» НКВД и РККА было «взаимовыгодным» с точки зрения рядовых сотрудников обеих силовых структур. Повседневность представляла собой слежку за армией, которая в 1939–1941 гг. стремительно разрасталась.

В момент окончания советско-финляндской войны, 12 марта 1940 года нарком ВД УССР И. Серов издал директиву об улучшении проверки возвращающихся в строй командиров: «В настоящее время военными советами округов проводится работа по восстановлению в кадрах РККА большого количества командного и начальствующего состава запаса». Поскольку целью чекистов было не допустить проникновения в Красную армию нелояльных командиров, то начальникам УНКВД областей Украины предлагалось провести ряд мероприятий по усилению и улучшению контроля. Но «благие намерения» обернулись противоречивыми установками по их реализации: «5. К решению вопроса о возможности допуска в РККА каждого командира или политработника подходить строго индивидуально. Имеющиеся компрометирующие материалы тщательно перепроверить, и только при подтверждении их решать вопрос о том или ином командире. 6. Запросы военкоматов о возможности зачисления в кадры РККА комначсостава запаса выполнять в трёхдневный срок»²⁰.

О том, что всё это делопроизводство было частью общего плана, свидетельствует указание заместителя наркома ВД Украины И. Серова начальникам УНКВД. Немаловажно, что составлен этот документ 1 августа 1940 года, то есть уже после окончания всех «освободительных походов»: «Во исполнение директивы НКВД СССР № ВД/21 от 17 января 1940 года –

ПРЕДЛАГАЮ:

Немедленно представить во 2 Отдел УГБ НКВД УССР оперативные материалы о результатах агентурной работы по обслуживанию проводимых райвоенкоматами мероприятий по готовности на военный период.

Впредь по этому вопросу представляйте докладные записки во 2 Отдел УГБ НКВД УССР не позднее 5-го числа по окончании каждого квартала, без напоминаний»²¹.

Спустя неделю последовало новое распоряжение заместителя наркома ВД УССР М. Горлинского начальникам УНКВД об усилении «агентурно-

оперативного обслуживания» комначсостава запаса Красной армии: «В последующем о результатах агентурно-оперативной работы представляйте докладные записки во 2 отдел УГБ НКВД УССР к 15 числу каждого месяца»²². Значит, командиров запаса хотели вскоре использовать.

Кое-что сохранилось в бывшем архиве КГБ УССР и из документации Красной армии.

В частности, приводится справка разведывательного отдела штаба Киевского особого военного округа (КОВО) про вооружённые силы Германии по положению на 1 декабря 1940 г. Адресат не обозначен, автор – начальник разведотдела штаба КОВО полковник Бондарёв, за начальника 3-го отделения РО штаба КОВО майора Лаврешука подписалось другое лицо, подпись которого не удалось расшифровать.

Документ объёмный, и включает в себя анализ стратегического положения Германии, сведения о её военной промышленности, а также данные о Вооружённых силах, в том числе частях и соединениях, дислоцировавшихся «в полосе КОВО», то есть в Юго-Восточной Польше.

Ценность материала в том, что именно с территории КОВО Красная армия планировала нанести главный удар по Вермахту, именно во «Львовском балконе» сосредотачивались основные танковые соединения.

Пункт 6-й справки назван «Инженерная подготовка театра»: «Производство оборонительных работ в пограничной полосе немцы ведут непрерывно с весны 1940 г. с неодинаковой интенсивностью в различных районах. В 1940 г. наиболее интенсивно велись работы на Краковском направлении и менее интенсивно на Люблинском направлении»²³.

По поводу второго направления последнее слово разведчиков говорило само за себя: «ВЫВОД: На Люблинском направлении немцы создают три оборонительных рубежа по реке Западный Буг, реке Вепш и по реке Висла. Первый и второй рубежи по своему оборудованию не являются сколько-нибудь серьёзным препятствием для наступающих войск. Река Висла является серьёзным препятствием как водная преграда, но со слабым развитием оборонительных сооружений»²⁴.

Краковское направление вызвало большее беспокойство армейских специалистов: «ВЫВОД: Производству оборонительных работ на Краковском направлении немцы уделяют наибольшее внимание. Создаётся, по-видимому, три оборонительных рубежа. Наиболее подготовленным является рубеж по реке Сан, который, учитывая наличие водной преграды, может явиться серьёзным препятствием для наступающих с востока войск»²⁵.

Пункт 7-й указанной справки именовался «Дорожное строительство» на территории оккупированной Польши, и небольшая деталь показывает направление мышления в «рабоче-крестьянской» армии: «Основная масса работ по строительству дорог происходит восточнее реки Вислы, в пригра-

ничной полосе. Идёт ремонт и улучшение как дорог, ведущих к фронту, так и рокадных»²⁶. Советско-германская граница к концу 1940 г. уже превратилась в головых краснознамённых командиров в огненный рубеж.

Пункт 8-й: «Краткое описание операционных направлений южной части Генерал-губернаторства»: «Исходя из характера местности, начертания железнодорожной сети и оперативных замыслов, данный театр можно подразделить на три следующих операционных направления: 1. Люблин-Варшавское; 2. Люблин-Петроковское и 3. Краковское»²⁷.

После описания географических условий будущего возможного первого операционного направления делался «ВЫВОД: Характер местности и начертание дорожной сети благоприятствуют для действия крупных войсковых масс в северо-западном направлении (восточнее р. Висла). Оперативная плотность – 8-10 км на дивизию»²⁸.

Второе операционное направление также было признано пригодным для нанесения глубокого удара: «Южная граница направления – по условной линии Лежайск-Мелец-Мехов. Глубина направления 320-340 км, протяжение фронта по госгранице от Влодава до р. Сан 260 км, ширина по р. Висла и р. Сан 200 км»²⁹. «ВЫВОД: Местность и наличие дорожной сети допускает действия крупных войсковых масс. Оперативная плотность 8-10 км на дивизию. Основной оборонительный рубеж немцев р. Висла потребует для своего преодоления самостоятельной операции»³⁰. Фронтной.

Очевидно, что ответственность за решение о том, где же наступать, аналитики разведупра всё же решили возложить на коллег из оперативных отделов штабов, поскольку и Краковское направление, несмотря на наличие оборонительных сооружений противника, по размышлению советских разведчиков, всё же подходило для победного марша: «Северная граница – условная линия Лежайск-Мелец-Мехов. Южная – граница со Словакией. Глубина направления – 230–260 км. Протяжение фронта по госгранице до 200 км, условная ширина 90-100 км»³¹. «ВЫВОД: Характер местности и дорожная сеть благоприятствуют развитию действий крупными войсковыми массами в западном направлении. Оперативная плотность 8-12 км на дивизию. Основной оборонительный рубеж, немцы создают, по-видимому, по р. Вислок и р. Вислока»³².

Вооружённые силы Венгрии и её география были описаны в приложении к указанной записке, в конце которой коротко подводился итог: «Несмотря на то, что Венгрия уделяет достаточно внимания вопросам инженерного оборудования границы с СССР, всё же оно до сего времени остаётся слабо развитым. Но, учитывая горный характер местности, представляющий большие трудности для действия войск, возведённые венграми инженерные укрепления могут оказать серьёзное препятствие для войск»³³. Утверждение оказалось пророческим – Красная армия в 1944 году пыталась пробиться че-

рез Карпаты в течение полугода, и гонведы отошли только из-за наступления противника на других оперативных направлениях.

Параллельно с Красной армией шпионаж на сопредельной территории вёл и НКВД.

Как известно, лубянский ведомство в большей степени, чем военные, следило за политической ситуацией в других странах. Однако, те задачи, которые ставились перед чекистской зарубежной агентурой, были направлены не на изучение возможных направлений ударов Вермахта, и не на определение сроков агрессии Германии.

Штаб погранвойск НКВД УССР регулярно составлял донесения о том, что происходит по ту сторону кордона. К числу типовых документов относится составленный 21 апреля 1941 года «Меморандум № 2 о военных мероприятиях в пограничной полосе Германии и Венгрии» за период с 10 по 20 апреля: «На территории генерал-губернаторства производится набор рабочих рук и отправка их в Германию. Население скрывается из-за нежелания ехать на работы. Политическое недовольство среди населения к немцам сильно растёт – особенно среди польского населения. Имеют место эмиграционные настроения молодёжи. Население ждёт скорейшего прихода Красной армии.

Вопросы, подлежащие разведыванию

Необходимо продолжить разведку: районов сосредоточения и пунктов дислокации штабов.

Районы аэродромов, посадочных площадок.

Политических настроений и политико-экономического состояния приграничной сопредельной стороны»³⁴.

В аналогичном меморандуме № 3 от 26 апреля перечень задач был такой же, разве что добавилось требование находить месторасположение ДОТов и складов»³⁵.

Погранвойска тщательно «ощупывали» будущий театр военных действий.

Поскольку скрытая тотальная мобилизация в той или иной степени затронула всё население страны, то соответствующие «антисоветские разговоры» начали фиксировать и бдительные люди с холодными головами и длинными руками.

Об этом свидетельствует, в частности, написанная 3 января 1941 г. докладная записка зачальника Особого отдела НКВД КОВО Якунчикова наркому ВД УССР И. Серову «О настроениях военнопленных в связи с законвоированием», то есть усилением режима содержания. На территории Украины военнопленных, то есть априори нелояльных системе людей, использовали для строительства дорог: «Военнопленный Сурмай распространяет провокационные слухи о подготовке СССР к войне с Германией, что в СССР, якобы, объявлена всеобщая мобилизация, роются окопы и т. д. «Советы думают идти на Варшаву», – заявляет Сурмай.

Провокационные слухи о близкой войне Германии с СССР распространяет вольнонаёмный десантник Куран.

05/2010

Под впечатлением разговоров с Куран военнопленный Томчин сказал ему: «...Хотя бы встретиться с тобой в бою: ты в рядах Красной армии, а я польско-немецкой, что ты со мною сделал?»

Присутствовавший при этом разговоре военнопленный Малист заявил:

«...Куран повернул бы свой пулемёт в обратную сторону и стрелял бы по красным войскам...»

Куран поддержал Малиста, добавив:

«...Не я один поступил бы так, но и все остальные жители западных областей, призванные сейчас в Красную армию»³⁶.

Завершим статью цитатой из документа, который поместили в самый конец сборника его составители. Комментариев этот материал не требует, и так ярко показывая как дух витавшей войны, так и психологию служащих «органов». Это специальное сообщение заместителя начальника 4-го отдела НКГБ УССР лейтенанта ГБ Сурыгина наркому ГБ УССР Мешкику: «20 июня 1941 г. при обработке исходящей международной корреспонденции 4 отделом НКГБ УССР выявлен документ, следовавший из Станиславской области, Печенижинский район с. Пересев от Хмары Василя в Германию, г. Кристианополь, Горбышевского района Люблинского воеводства, Семенюку Михаилу». Далее передаётся содержание письма, жалобы на жизнь в СССР и проклятия в адрес советской власти. Заканчивается послание тревожными вопросами: «Ходят слухи, что они (т. е. советские. – А.Г.) хотят идти на Варшаву, а возможно, и дальше. Концентрируются под границей, всем говори, но не давай читать, я ведь не знаю ваших обстоятельств. Пиши в отношении весны. Так или нет, напиши: (б) будет война с нами в этом году, р. – разобьют, как слышно, А. Может ли быть война в Африке и тут или когда там закончится. Адрес прежний. Письма сожги все. Никому не говори, что мне пишешь».

Документ «К» вместе с копией настоящего спецсообщения направлен начальнику 3-го управления НКГБ УССР для оперативного использования»³⁷.

Подобные цитируемому письму послания украинские чекисты в первой половине 1941 года перехватывали пачками. Но это сообщение НКГБ примечательно одной маленькой деталью. Оно датировано 23 июня 1941 г.

ными кругами США, Канады и Англии, создании в Канаде бандеровских «школ лётного и командного состава», крепких связях ОУН с сербскими и черногорскими повстанческими отрядами, чешскими националистами. Очевидно, что содержание этого документа – чистый вымысел, разгул фантазии собеседника какого-то агента НКГБ, бездумно переправленный чекистами «наверх». Однако, из комментариев составителей следует, что эти сведения достоверны (Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док-тов. Т. 4. Кн. 2. М., 2003. Док. № 1636, С. 425).

⁴ Радянські органи державної безпеки у 1939 – червні 1941 р... С. 40–41.

⁵ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата судостроительной промышленности», заместитель наркома ВД УССР М. Горлинский Хрущёву, 8 октября 1939 г. (Там же. С. 777.)

⁶ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркоматов боеприпасов», М. Горлинский Хрущёву и др., 4 октября 1939 г. (Там же. С. 766.)

⁷ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов «Главтрактордетали» Наркомата среднего машиностроения, Горлинский Хрущёву и др., 7 октября 1939 г. (Там же. С. 769.)

⁸ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата боеприпасов», Горлинский Хрущёву и др., 4 октября 1939 г. (Там же. С. 762.)

⁹ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата боеприпасов», М. Горлинский Хрущёву и др., 4 октября 1939 г. (Там же. С. 759.)

¹⁰ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата судостроительной промышленности», Горлинский Хрущёву, 8 октября 1939 г. (Там же. С. 781.)

¹¹ «Докладная записка о срыве выполнения мобплана на заводе «Большевик», Горлинский Хрущёву, 31 октября 1939 г. (Там же. С. 806.)

¹² Докладная записка «О состоянии выполнения мобплана по спецпродукции по заводу «Красный экскаватор» в гор. Киеве, Горлинский Хрущёву, 22 октября 1939 г. (Там же. С. 793.)

¹³ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата вооружений», заместитель наркома ВД УССР М. Горлинский Хрущёву и др., 4 октября 1939 г. (Там же. С. 758.)

¹⁴ Там же. С. 60.

¹⁵ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата вооружений», Горлинский Хрущёву и др., 4 октября 1939 г. (Там же. С. 756.)

¹⁶ Там же. С. 162.

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 92–93.

¹⁹ Докладная записка «О подготовке театра военных действий», начальник Особого отдела НКВД КОВО Михеев наркому ВД УССР И. Серову, 11 мая 1940 г. (Там же. С. 865, 866, 867.)

²⁰ Там же. С. 110.

²¹ Там же. С. 131.

²² Там же. С. 137.

²³ Там же. С. 458.

²⁴ Там же, с. 460.

²⁵ Там же, с. 461.

²⁶ Там же, с. 462.

²⁷ Там же, с. 468.

²⁸ Там же, с. 469.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 471.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 472.

³³ Там же, с. 473.

³⁴ За начальника погранвойск НКВД УССР документ подписал начальник штаба Погранвойск НКВД УССР полковник Рогатин. (Там же, с. 573.)

³⁵ На документе две подписи – начальника погранвойск НКВД УССР генерал-майора Хоменко, а также начальника штаба ПВ НКВД УССР полковника Рогатина. (Там же. С. 578.)

³⁶ Там же. С. 1179.

³⁷ Там же. С. 1213.

¹ Радянські органи державної безпеки у 1939 – червні 1941 р.: документи ГДА СБ України / Упор. В. Даниленко, С. Кокін. – Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2009. – 1311 с.

² Там же. С. 8.

³ Приведём только два примера.

В биографии командира УПА Р. Шухевича в семи строчках допущено три неточности. Шухевич командовал УПА с ноября 1943 года (написано, что с 1945 г.), был убит сотрудниками МГБ в селе Билгороща около Львова (отмечается, что умер в эмиграции) и в ОУН был сторонником С. Бандеры, (указано, что А. Мельника), что, кстати, написано в том же томе двумя страницами ранее (Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док-тов. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 286).

Второй казус по-настоящему комичен.

Приводится сообщение наркома ГБ УССР Савченко Хрущёву о широкомасштабном сотрудничестве УПА с правительствен-